

ҚИР БУЛЫЧЕВ

УБЕЖИЩЕ

Кир Булычев

Убежище

Текст предоставлен изд-вом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175957

Два билета в Индию: Фантастические повести: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-425-08440-8

Аннотация

Когда Сева Савин согласился идти в подземелье и искать Убежище, он думал, что это будет интересное приключение. Может, немного опасное... Но, честно говоря, какие именно могут подстергать его опасности, Сева не догадывался. А еще он надеялся, что Снежная Королева лучше представляет себе, что ему грозит. Откуда Севе было знать, что сказочные существа куда больше похожи на детей, чем обыкновенный подросток Савин, и совсем не умеют смотреть в будущее. Вот и получилось так, что когда Приключение начнется на самом деле, он станет самым взрослым и разумным его участником! Фантастический роман «Убежище» публикуется в полном объеме и авторской редакции.

Содержание

Часть I	4
Глава первая	4
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвертая	25
Глава пятая	34
Глава шестая	41
Глава седьмая	49
Глава восьмая	58
Глава девятая	68
Глава десятая	80
Глава одиннадцатая	89
Глава двенадцатая	102
Глава тринадцатая	112
Глава четырнадцатая	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Кир Булычев

Убежище

Часть I

ИСПЫТАНИЕ СЕВЫ САВИНА

Глава первая

Сева Савин в лагере «Елочка»

Шел к концу третий день смены в лагере «Елочка».

Этот лагерь с незапамятных времен назывался «Елочкой» по прозвищу «Палочка». Когда-то он был пионерским, и сюда возили Севину маму и многих из ее нынешних сослуживцев. Теперь его называют оздоровительным.

Второй отряд играл в волейбол.

Конечно, не весь отряд, а только те ребята, которые умели играть.

Было уже не жарко, пахло теплой пылью и цветами.

Солнце опустилось к вершинам елей, вот-вот на них напорется, и било в глаза команде слева.

Сева Савин не играл, он сидел на длинной скамейке вместе с болельщиками, но не кричал, не свистел, не переживал,

потому что ему надо было подумать.

Ведь он так и не понял, почему у двери автобуса, на котором они ехали в лагерь, его перехватила неприятная старуха в армейском камуфляже и строго прошептала:

– Предупреждаю, не смей смотреть на лягушек. Ты меня понял, бездельник? А то беды не оберешься.

В этот момент сверху спикировала оса, она кинулась на бабушку, но та ей не поддалась и стала отмахиваться когтистыми руками.

– Пришибу! – рычала она. – Шшшибу!

Оса уворачивалась и, пролетая мимо лица Севы, успела пискнуть:

– В болоте твое счастье, принц!

Но тут старуха все же сбила осу, а Севу начали толкать сзади, чтобы он поскорее залезал в автобус.

Так он и не узнал, чем кончился спор старухи с осой и при чем тут болото.

Другой на месте Севы сошел бы с ума от страха и удивления. Но Сева особенный человек.

Когда-то, еще ребенком, он прочел книжку, в которой говорилось, что сказочные существа в самом деле существовали и даже правили нашей планетой. Но потом наступил Ледниковый период, и они все вымерли. А память о них осталась. Сказки и легенды – это не выдумки, а воспоминания людей о древней жизни, когда волшебство правило миром.

Больше того, Сева был уверен, что не все сказочные су-

щества вымерли. Кое-кто смог пережить тяжелые времена, затаившись. Теперь им власть над миром не вернуть, хоть некоторые и стараются. Но они существуют, только не попадаются каждому на глаза, как тигры в летней тайге. И если человек это понимает и не трепещет перед каким-нибудь колдуном-перестарком, он может неплохо устроиться в жизни. По крайней мере, интересно. Только спешить не надо.

Это не значит, что Сева был расчетливым, осторожным и предусмотрительным молодым человеком. Наоборот, он был страшно легкомысленным выдумщиком, и если бы волшебников не было на самом деле, он бы их изобрел. И кое-кому рассказал бы, что у него есть друг чародей, который обещал его взять в субботу на Кассиопею.

Если ты во что-то веришь, вернее, не веришь, а просто знаешь, что эта штука существует, то, конечно, тебе легче ее увидеть. Другой пройдет мимо ведьмы, превратившейся в статую работы скульптора Перепелли, и подумает: что-то много в городе стало уродливых железяк. А Сева поздоровается с ведьмой, но если она спросит, как пройти к ближайшему детскому саду, никогда ей не скажет или пошлет ее в зоопарк, потому что, если ведьме дать волю, она примется пить кровь у детишек. Впрочем, Сева давно уже не встречал ведьм, если не считать их соседки по подъезду Анюты Бородуевой, но о том, что она ведьма, никто и не подозревал, даже она сама. Она часто спрашивала у своей тихой, мирной и неволшебной сестры: «Инна, правда, я хорошая?» И Инна

всегда с ней соглашалась. Ведь куда приятнее иметь добрую сестру, чем настоящую ведьму.

Сева Савин сидел на длинной узкой скамейке вместе с болельщиками. Рядом сидела красивая Ванесса, первая красотка лагеря, которую на самом деле зовут Люсей Пузыревой. Она закричала: «Ура!», потому что Гриша Сумской наконец-то попал по мячу и зафигачил его далеко в аут.

Конечно, Севе хотелось поговорить с Ванессой, хотя он понимал, что выбрал для этого самый неудачный момент.

И все же он спросил ее:

– Удивляешься, чего я на площадку не вышел?

– Ничему я не удивляюсь, – ответила Ванесса.

Она глаз не могла оторвать от Гриши Сумского, про которого Даша Блюм, по прозвищу Лолита, говорила: «Одни мускулы, даже смотреть противно!»

Про Севу она этого не говорила. Но и не смотрела на него.

– Мне запретили гасить, – вздохнул Сева. – После моих ударов мячи, как правило, лопаются, а если попаду в человека, то возможны травмы. Однажды в шестом классе я убил одного парня, его еле откачали, три недели в реанимации, теперь ездит в коляске.

– Кто-то тебе, может, и поверит, – сказала Ванесса, не поворачивая головы, словно ей не было любопытно. – Но этой дурой буду не я.

Тут она ахнула, потому что Гриша не дотянулся до мяча.

– У меня трудное прошлое, – признался Сева. – Я рос без

отца, мать хотела сдать меня в интернат. Но предчувствие подсказало мне поехать в лагерь «Елочка», потому что я могу встретить здесь одну герлу, которая меня поймет.

– И кто же эта красотка? – спросила Ванесса, глядя на площадку.

– Догадайся с трех раз, – предложил Сева.

Ванесса сердито мотнула головой, чтобы ее рыжеватые кудри рассыпались по плечам, как у Мэрилин Монро. Она думала, что они с Мэрилин похожи.

Тут игра кончилась поражением наших, потому что Гриша Сумской умудрился угодить при подаче в сетку. На него никто и смотреть не хотел, а он подошел к Ванессе и сказал:

– Ветер в правый бок. Я немного не рассчитал.

Откуда ни возьмись, появилась Лолита и громко сказала:

– Ветер не поможет тому, у кого руки кривые.

– Некоторым лучше помолчать, – сказал Гриша. Он не выносил критики. И это понятно. Когда он только родился на свет и не весь еще вышел из мамы, медсестры, акушеры и врачи закричали, что такого красивого мальчика они никогда не видели.

Девочкам всегда хотелось о нем заботиться, дать списать или подсказать на контрольной.

Математик Дмитрий Фадеевич говорил поклонницам Гриши:

– Сейчас я продиктую условия задачи, а Миленкину и Топуридзе попрошу покинуть класс и ближайший час прове-

сти в библиотеке. Прочтите там историю возвышения Жанны д'Арк. И чтобы до конца урока не возвращаться.

– А что вы нам поставите? – спрашивала бойкая Топуридзе.

– Три с плюсом, – начинал торговаться математик.

– По пятерке с минусом, – отвечала Топуридзе, а Миленкина шмыгала носом, чтобы показать, что она вот-вот зарывает.

Так что быстро сходились на твердой четверке.

И тут подавал голос Гриша Сумской:

– А может, лучше мне сходить в библиотеку? Я как раз собирался почитать что-нибудь о Жанне д'Арк.

Вот с таким человеком судьба столкнула Севу Савина. Причем Гриша, как всегда, был окружен союзницами и друзьями, а Сева одинок.

– Тут один ребенок, – сказала Ванесса, – утверждал, будто может зашибить человека волейбольным мячом. Ему даже запрещают играть в волейбол. Разве так бывает?

Гриша сдержанно засмеялся, а Сева заметил:

– Кстати, мне и в футбол врачи играть не советуют.

Девочки смотрели на Гришу.

Они ждали, что он поставит Севу на место.

Гриша рад был бы поставить Севу на место; конечно же, Сева нагло врал, к тому же Гриша мог расправиться с ним одной левой. Но Гриша на самом деле был задумчивым, рассудительным и осторожным подростком. Он знал, что внеш-

ность бывает обманчивой. Девяносто девять процентов было за то, что Сева в жизни толком по мячу не ударил, но всегда оставался один процент! Вот его всегда полезно учитывать.

– Некогда мне с тобой прохлаждаться, – сказал он Севе.

И отправился в столовую.

У Гриши была слабость. Он любил поесть. А так как его обожали поварихи, подавальщицы, судомойки и диетические сестры, то он не забывал заглянуть перед обедом на кухню, чтобы проверить, любят ли его еще кухонные работницы. А после обеда и тем более перед ужином заходил туда снова, чтобы убедиться, что о нем еще не забыли.

И никогда не ошибался.

Ванесса с Лолитой переглянулись и сделали вид, что сами прогнали Гришу, а Севы здесь вовсе не было.

Сева вслед им крикнул:

– А купаться пойдете?

Девочки даже плечами не пожали. Как шли, так и ушли.

Глава вторая

Сева Савин гуляет по лесу

Сева решил пойти в лес.

Он прошел по асфальтовой дорожке мимо летних домиков-спален, потом миновал длинный барак столовой, от которого вкусно пахло почти готовым ужином и слышно было, как на кухне ласково бубнит Гриша Сумской. За столовой стоял крепенький, как боровичок, кирпичный дом начальника лагеря бывшего борца Афанасия Столичного, который жил в нем круглый год.

За огородиком, которым заведовала пожилая мама начальника лагеря, тянулись заросли орешника, который не давал орехов, а дальше была дыра в заборе. Мало кто знал о ней, потому что она получалась, если отодвинуть одну доску.

Но за три неполных дня нормальный любознательный человек тринадцати лет должен выяснить расположение всех нужных и полезных объектов в лагере и вокруг него, а Сева был более чем нормальным.

Территорию лагеря он, конечно, освоил, но вокруг лагеря еще были белые пятна. Вчера он спросил вожатую Майю, велик ли лес? Майя уверенно ответила, что «лес тянется, дети, до самого Урала. В прошлом году две девочки заблудились, их искали на вертолетах с собаками, но так и не нашли даже костей».

Сева сразу сообразил, что Майя врет. Ей вовсе не хотелось, чтобы кто-то убежал погулять и заблудился. Пускай трепещут и сидят в бараках. Он представил себе, как собаки летают на вертолетах и лают, когда сверху увидят заблудившихся девочек.

Майя была короткая, ниже Севы ростом, упругая, руки и ноги были перетянуты невидимыми ниточками, как у раскормленного грудного ребенка. Черные волосы завивались мелкими колечками, но не негритянскими, а мягкими. Она все время улыбалась и часто заливисто хохотала, но Сева не верил, что ей на самом деле весело.

Пролезши сквозь забор, Сева поставил доску на место.

Лес был как лес. Подмосковный дачный лес, в нем заблудиться труднее, чем в парке культуры и отдыха.

Что здесь делать вертолетам с собаками – вообразить невозможно.

Сквозь редкие деревья были видны покатые крыши скромных дач старых кооперативов. Так как Разуваевка не входит в число престижных мест для тех состоятельных людей, которым не хватило места или средств, чтобы купить виллу на Канарах или на Кипре, то дачные домики были в основном сколочены из фанеры или досок, которые владельцу удалось стащить с родного предприятия.

Сева огляделся и направился туда, где деревья стояли погуще и не было видно забора. Через две сотни шагов под кустами стало меньше банок из-под пепси-колы и пива, а также

пластиковых пакетов.

«Значит, правильным путем мы идем, товарищи», – сказал он про себя, а вслух произнес:

– Где вы, мои девочки, где вы, вертолеты?

– Ваш вопрос обращен ко мне? – спросил дед в толстых очках и меховой ушанке. Остальное было покрыто серым брезентовым плащом, который волочился по траве.

Сева не заметил деда, потому что краем глаза принял его за замшелый пень.

Дед медленно двигался по лесу и водил по траве палкой, словно миноискателем. Он собирал пустые бутылки и, не глядя, кидал их в открытый мешок на колесиках, который не только ехал за дедом, но и останавливался, когда надо.

Дед перестал шагать и посмотрел на Севу снизу, склонив голову набок, чтобы удобнее было рассматривать.

Сева молчал.

Тогда дед сам сказал хриплым голосом:

– А мы из общества защиты грибов. Спасаем планету от тебе подобных.

– На планете нет мне подобных, – сказал Сева. – Я исключительное явление природы.

Это были не его слова, а мамины. Мама их повторяла, когда разочаровывалась в сыне и думала, что он никуда не годен.

– Что ты думаешь о разрушении озонового слоя? – спросил дедушка и медленно пошел дальше. Нашел бутылку,

подцепил ее, бутылка сверкнула, взлетев выше головы, и со звяком упала в мешок.

– А почему вы только бутылки собираете? – спросил Сева.

Он знал настоящий ответ, но ему было интересно, что дед придумает.

Дед не стал лукавить, а ответил честно:

– Потому что бутылки принимают, а консервные банки никому не нужны. А нам необходимы средства на питомник для юных трюфелей.

– Так вы планету не спасете, – сказал Сева.

– Согласен с тобой, совершенно согласен! – почему-то обрадовался дед. – Нам нужна критика снизу. Нам нужны молодые силы. Ты как относишься к лапландским подосиновикам?

– Положительно, – сказал Сева.

– У нас намечается экспедиция в Лапландию. Очень рискованная и тяжелая. Надеюсь, ты не откажешься принять в ней участие?

– А когда? – спросил Сева.

– С восьмого сентября и до последнего живого участника.

– Нет, – сказал Сева. – С восьмого я не могу, вы же знаете, у меня занятия начинаются.

– Какая жалость, – сказал дед. – А то бы ты погиб, а мы бы тебя оплакивали. Как тебе нравится идея памятника на школьном дворе? Или тебе интереснее стоять возле дома?

– И осенью тоже надо стоять?

– Вечно.

– И без зонтика?

– Какой цинизм! – рассердился старик. – Я всегда был низкого мнения о тебе, Савин, но сейчас я просто в ужасе. Кому мы оставляем нашу планету? Твое отношение к грибам заставляет меня вспомнить о подлой Снежной королеве! Потребитель!

Сева пошел по тропинке дальше и не стал оборачиваться, хотя чувствовал спиной, как старик прожигает его взглядом.

Трава была здесь нетоптаная, кострищ и помоек больше не встретилось. Зато стали попадаться сыроежки. Сева любил собирать грибы и даже видел их лучше, чем мать и Ксанка. Мать даже сказала как-то:

– Ты, Всеволод, сохранил в себе черты древнего лесного жителя. В других странах люди думают, что грибы – это шампиньоны. И не отличат рыжика от мухомора.

– Рыжиков совсем не осталось, – ответил Сева.

Вообще-то он думал, что так любит лес и так себя в нем хорошо чувствует потому, что произошел не от обезьяны, как все остальные люди, а от волка или лисицы. Если посмотреть на Севу в профиль, то увидишь, что он даже немного похож на лисицу, потому что у него острый, чуть курносый нос, глаза раскосые, зеленые, а волосы темно-желтые, почти рыжие, но не совсем рыжие.

В лесу Сева был своим. Звери и птицы, которые других людей опасались, его просто не замечали, как не замечали

друг дружку.

В лесу Сева начинал все нюхать, как настоящий тамошний житель. Он различал в сто раз больше запахов, чем остальные люди, и поэтому не любил, когда рядом курили или дышали перегаром.

А мама, как назло, курила. Даже иногда натошак.

Как-то Сева признался, что может выследить в лесу любого зверя. Мама потрепала его по затылку и сказала:

– Даже в фантазиях лучше знать меру, не будет стыдно перед людьми.

Со взрослыми разумнее не спорить. Если взрослого переспоришь, рискуешь получить по шее. А маме нюх когда-нибудь пригодится. Он ведь всегда может разгадать яд, который ей подсыпят враги. А кто мамины враги? Соседка Анька Бородуева? Или Мария Васильевна с работы, которая опять жаловалась на маму Принципалу? А если Мария Васильевна отравит маму, самой же хуже – не на кого будет жаловаться Принципалу.

Тут Сева вспомнил, что он гуляет по лесу. Запахло сыростью, небольшим болотом, не прудом, не речкой, а именно болотом, где ароматы трав смешиваются с запахом стоячей темной воды.

Сева направился к болоту.

Пришлось пробиваться сквозь кусты, которые не желали пропускать чужака в самое сердце леса. Болото было верховое, из такого начинаются ручейки.

Глава третья

Царевна-лягушка

Болото было окружено широким кольцом пышных моховых кочек, нога уходила в них по колено, и мох обнимал ногу теплыми пальцами.

А в середине цирка моховых кочек блестела вода, в ней плавали большие листья водяных лилий, и метрах в двадцати от Севы, на самом глубоком месте, буквально сверкал белый цветок с золотыми тычинками в центре. Не хватало только белого лебедя, но ведь белые лебеди не водятся на болотах за Разуваевкой. И даже странно, что никто не насорил в таком красивом месте. Бывают люди, которые видеть не могут чистых и красивых мест и стараются сразу все испортить. Они даже специально приезжают за город, чтобы навредить природе.

– А сюда, – сказал грибной дед в сером плаще с самоходной сумкой сзади, – сюда не каждый попадает. Иной или мимо промахнется, или в болоте завязнет. Со смертельным исходом.

Дед захихикал, и непонятно было, пошутил он или правду сказал.

Ближе к болоту дед подходить не стал, потому что здесь ему нечего было подбирать, да и сумка между кочек не пролезала. Он пошел дальше, будто забыл о Севе.

А уж Сева о нем забыл наверняка.

Потому что на большом листе лилии, который прогнулся под ее тяжестью, сидела довольно красивая зеленая лягушка с желтым животиком и лапками.

И это было бы еще ничего, если бы Сева не различил на ее треугольной голове маленькую серебряную корону, королевскую, но маленькую.

Значит, он увидел царевну-лягушку, кем-то наверняка заколдованную, которую теперь он должен расколдовать и жениться на ней. При условии, конечно, что удастся превратить ее в прекрасную девицу.

– Здравствуйте, – сказал Сева лягушке.

Лягушка не ответила. Она в упор смотрела на него блестящими глазками.

Другой на месте Севы мог испугаться, удивиться или просто решить, что он сошел с ума. Но Сева не удивился. Ведь он был убежден, что остатки сказок прячутся по лесам, болотам и пещерам, и нет ничего странного в том, что время от времени некоторые люди их видят. И Сева относился к их числу.

Сева немного растерялся. Он даже обернулся, чтобы позвать деда с палкой – может, он подскажет, как поймать царевну-лягушку? Но деда, конечно, и след простыл. А это выражение означает, что в древние времена люди ходили босиком и у них были такие горячие пятки, что на следах можно было яичницу жарить.

Кочка, на которой стоял Сева, постепенно опускалась в болото, и ноги в кедах уже промокли. А никакого решения в голову не приходило.

– Интересно, – сказал Сева, – вы меня ждали или вообще?

И тут он вспомнил: царевич в сказке стрелял в нее из лука, и лягушка немедленно оборачивалась прекрасной царевной.

Лука у Севы не было.

– У вас проблемы? – спросил Сева.

Лягушка не ответила. Вернее всего, в таком виде она говорить не умела, но как превратить ее в человека, Сева не знал.

А может быть, он ей вовсе не нужен? Почему надо подчиняться сказочным правилам, которые теперь и не действуют? Вернее всего, это не царевна, заколдованная каким-то Кощеем, а генетический уродец. У нее на голове утолщение, которое кажется короной.

– Если вы ничего не скажете, – заявил Сева, которому вся эта сказка вдруг надоела, – то я пошел в лагерь. У нас скоро ужин. Не могу же я из-за лягушки голодным оставаться.

Конечно, это были слова обыкновенного простолюдина, а не будущего принца. Но так как принцы остались только за границей, то Сева думал, что он прав.

Сева повернулся и перепрыгнул на следующую кочку.

Он понимал, что ведет себя неправильно, но что будешь делать, если не знаешь, как вести себя правильнее?

Вот и еще одна кочка... еще одна.

И тут, как вы понимаете, Сева остановился.

И поглядел через плечо.

На листе лилии лягушки не было.

Где же она? Неужели нырнула?

Сева стоял, повернув голову назад, и чего-то ждал.

И дождался.

Лягушка вспрыгнула на кочку, где он только что стоял, и замерла, глядя на него.

Может, это случайность?

Посмотрим.

Сева прыгнул на следующую кочку и через три кочки выбрался на тропинку.

А сзади услышал:

Шлеп, шлеп, чвак, плюх...

Лягушка догнала Севу и замерла у его ноги.

– Но учти, – сказал тогда Сева, – я не принц и даже не граф, так что не надейся на дворцы и усадьбы.

Он так строго разговаривал с царевной-лягушкой, потому что стеснялся.

Лягушка сидела неподвижно.

Сева решил, присел на корточки и положил руку на землю ладонью вверх.

Лягушка, словно ждала приглашения, вспрыгнула на ладонь. Она оказалась тяжелой и холодной.

Но главное: Сева увидел, что корона на голове ажурная, тонкая, резная и совершенно серебряная с камешками. Ни-

какого генетического уродства, а сплошная бижутерия.

Сева поднялся и пошел к лагерю. Он шел осторожно, чтобы лягушка не свалилась с ладони, и у него было хорошее настроение, которое было очень трудно объяснить.

Ну подумайте: идет по лесу, раздвигая свободной рукой кусты, молодой человек Всеволод Савин, ничем от других обитателей лагеря «Елочка» не отличающийся, кроме того, что он совсем особенный.

А кто об этом догадывается?

Идет по лесу Всеволод Савин, а царевна-лягушка с маленькой серебряной короной сидит у него на ладони, развернулась к нему носом и глядит немигающими глазами.

– Сейчас придем в палату, – сказал Сева, – я тебя покормлю. Наверное, ты проголодалась. Ты чем питаешься, мухами? Поймаем тебе и муху.

И тут Сева сообразил, что лягушке куда лучше поужинать на своем болоте, там у нее и обед, и ужин – все водится. Не для этого она с ним отправилась в лагерь.

«Ничего, – сказал себе Сева, – догадаемся».

Он влез в лагерь через дырку в заборе, задвинул на место доску и поспешил через орешник к своему домику.

Когда он проходил мимо столовой, то услышал, как из нее доносится гул многих голосов. Шел приятный процесс, который называется «ужин». И тут у Севы так заболело от голода в животе, что он чуть не упал.

– Значит, так, – сказал он лягушке. – Я тебя пока оставлю

в нашей палате. То есть в спальне. В спальне второго отряда. Понимаешь? А сам быстренько поужинаю и сразу к тебе вернусь, и тогда мы с тобой решим, что делать дальше.

Лягушка ничего не ответила.

Навстречу шел сам директор лагеря Афанасий Столичный, могучий человек, который после того, как оставил большой спорт, отрастил себе огромный живот, его это не красило, но многих пугало, особенно малышей из пятого отряда.

«Вот сейчас он меня остановит, – понял Сева, – и спросит, почему я бегаю, а не ужинаю вместе со всеми. Мне придется что-то врать, сам еще не знаю, что я буду врать, а тем временем ужин кончится, и я останусь безумно голодным. Вот тогда и съем влюбленную в меня лягушку».

– Мальчик, как твоя фамилия? – спросил директор издали.

Сева затормозил обеими пятками, так что сзади за клубился дым и стало трудно дышать.

– Савин, – сказал Сева. – Я спешу на ужин.

– Вот именно, Савин, – повторил директор. – Я тебе там стакан компота оставил. Нет-нет, не надо меня благодарить. На моем месте так поступил бы каждый.

– Спасибо, – произнес Сева, глядя в землю. Ну подумайте только, начальник лагеря, первый человек во всем мире, даже глядеть на него глазам больно, оказывается, знает о существовании какого-то Севы Савина и даже оставляет ему

компот.

И тут в голове возникла опасная и, может быть, глупая мысль: компот отравлен, компот заколдован. Один мальчик уже съел компот, и что от него осталось? Одни персиковые косточки.

– Ты натуралист? – спросил начальник лагеря. – лягушек изучаешь?

И, словно кто-то подсказал ему, Сева ответил, чего сам и не думал:

– Я гастроном. Я ем лягушек.

– Как французы? – удивился начальник лагеря. – И не жалко птичку?

– Что их жалеть, – ответил Сева. – Может, хотите попробовать?

– Да ты с ума сошел! – возмутился начальник лагеря. – Сейчас же отпусти животное.

– Куда?

– Откуда взял!

Начальник лагеря свернул в боковую аллею и потопал прочь. Даже земля вздрагивала от его шагов.

– Что со мной творится? – спросил Сева. – Я сам на себя не похож.

На этот раз внутренний голос ничего ему не ответил.

В полном смятении чувств Сева добрался до домика второго отряда.

Дверь в домик была открыта.

Сева пробежал внутрь. Кровати мальчиков стояли в два ряда ногами к центральному проходу. Двенадцать кроватей справа, двенадцать слева. Все они были аккуратно застелены, потому что физкультурник Рома, младший брат начальника, крупный специалист по пинг-понгу, следил, кто как стелет постель, и заставлял перестилать, если что не так. Ох, как его не любили в отряде!

Кровать Севы третья справа.

Куда спрятать лягушку? Ведь если ее найдут ребята, то сначала удивятся, а потом что-нибудь натворят.

Поэтому он открыл ящик в тумбочке возле своей кровати, вытащил оттуда два яблока, а на их место посадил лягушку.

Лягушка не сопротивлялась, не спорила и не возражала.

Севу всегда черт за язык тянет. И поэтому он сказал:

– Для моей невесты ты слишком неразговорчивая. Я еще подумаю, жениться на тебе или нет.

Сева, как понимаете, пошутил, но что мы знаем о чувстве юмора у лягушек?

Лягушка насупилась, но Сева, скорее, почувствовал, что она насупилась, потому что лицо у нее совсем не изменилось.

– Сиди в ящике и терпеливо жди меня, – сказал Сева, закрыл ящик с лягушкой, и ему стало полегче на душе. По крайней мере, теперь ему не надо бегать по лагерю с лягушкой на ладони.

Он выбежал из домика и помчался к столовой.

Глава четвертая

Что делать с лягушкой?

Чем ближе Сева подходил к столовой, тем быстрее двигались его ноги. Он ворвался в столовую, как голодный тигр. Он готов был зарычать, но понял, что никто его не испугается.

Сева поспешил к своему месту. Оно было свободно. Ведь когда мы приезжаем в лагерь, в гостиницу, в дом отдыха, то с первого дня каждый занимает себе место и потом редко это место меняет. Только уж если очень неудачное. Когда приехали и пошли обедать, Сева занял место поближе к окну. Он тогда почти ни с кем не был знаком, и особого расчета у него не было. Совершенно случайно с одной стороны рядом с ним сидела Лолита, а с другой – Гоша Полотенц, который хотел, чтобы его звали Пресли, а на самом деле его звали Жабой. Человек хочет или не хочет, но тянет за собой прозвище, как хвороста воз. Жаба думал, что никто не знает о его прозвище, но стоило в соседнем отряде оказаться кому-то из его школы или даже с его двора, как секрет был раскрыт. К тому же человек обычно получает прозвище, которое заслуживает или хочет носить, а остальные не возражают. А Жаба был жадным. И если человек жадный, то ничего ему с собой не поделать.

Как-то еще давно, во втором классе, Жаба пришел домой

весь в слезах и стал жаловаться своему отцу Георгию Георгиевичу Полотенцу, что не хочет быть Жабой. Отец ему сказал: «А я вот тобой доволен. Потому что Жабой тебя называют от зависти. А ты вовсе не жадный, а бережливый».

Этим он почти успокоил сына. Чтобы совсем уж его утешить, отец добавил: «Кстати, у меня в школе тоже было прозвище. Как ты думаешь, какое?» «Неужели тоже Жаба?» – обрадовался было сын. «Бери выше, – сказал Георгий Георгиевич, – у меня было прозвище Анаконда».

Итак, справа от Севы сидела Лолита, а слева – Гоша Жаба. Все приехали в лагерь на автобусах, только Гошу привезли на машине. Но если вы думаете, что остальные лопнули от зависти, а девчонки стали прыгать вокруг Гоши, вы глубоко заблуждаетесь. А Сева слышал, как Майя говорила физкультурнику: «Нет ничего глупее с педагогической точки зрения, чем стараться отделить своего ребенка от коллектива по имущественному признаку». «Смешно другое, – ответил физкультурник Рома, – его отец настолько сам жаба, что не послал ребенка на Канары или на Кипр, а отправил в профсоюзный бесплатный лагерь. Экономия за счет своего дитяти».

Сева сел на место.

– Котлеты остыли, – сказала Лолита – сорок косичек. – Где ты бегал?

Ей все надо знать. Тоже характер!

А Гоша Жаба сказал:

– Ты знаешь, что у тебя два компота?

И в самом деле, перед Севой стояли два стакана с компотом.

– Знаю.

– Наверное, ошибка, да? – сказал Гоша.

На вид Гоша наивный и безопасный. Лицо у него круглое, очень розовое, будто фарфоровое. Глаза голубые, кукольные, и ресницы длинные, как у девочки. Он похож на мальчика со старинной картинки «Поздравляем с Рождеством!». Вокруг него обязательно должны быть нарисованы розочки. Ростом Гоша невелик, но очень складненький, быстренький и пронырливый. А когда он с тобой разговаривает, то всегда делает вид, что ему твои слова жутко интересны. Все у него чистое и гладкое, он брюки на ночь под матрас кладет, а в шортах или в трусах не ходит, наверное, потому, что мальчики с открыток так не ходили, а носили бант вместо галстука.

– Никакой ошибки, – ответил Сева. – Мне начальник лагеря компот принес, собственными руками, можешь дежурных спросить.

– Как это странно, – сказал Гоша. – Почему же?

– Потому что он мне спор проиграл. Вот и расплачивается. Сто стаканов, принимать после обеда и ужина, с морковкой.

– Ты обжулил взрослого человека? – спросила Лолита – ядовитый язык.

А Сева не успел придумать ответ. Пришлось врать при-

митивно.

– Простите, господа, – сказал он, – но я дал подписку о неразглашении.

– Шутка, да? – спросил Гоша и склонил голову набок, как добрый цыпленок.

– Нам не до шуток, – сказал Сева и принялся за котлету. Интересно, подумал он, а на самом деле компот отравлен или нет?

Вообще-то о компоте Сева думал так, между делом. Оставалась основная мысль, что делать с лягушкой? Ведь в тумбочке сидит лягушка с короной на голове и ждет, когда ты ее превратишь в человека.

Котлета с гречневой кашей провалилась в Севу, как в колодец. Он пил компот и заедал хлебом, потому что еще не наелся. Гоша тихонько поднялся, сказал в воздух «спасибо» и ушел, а Лолита цедила компот, как коктейль, через соломинку.

– Слушай, Лолита, – сказал Сева. – Как Царевну-лягушку в человека превратить?

Лолита посмотрела на него непроницаемыми, сверкающими черными глазами и серьезно спросила:

– А жениться ты на ней собираешься?

– Жениться я вообще пока не собираюсь, – честно ответил Сева. – У меня отрицательный жизненный опыт.

– Ребенок рос без отца? – спросила Лолита.

– Сначала-то с отцом, и привык к этому, – признался Се-

ва. – А потом отец от нас ушел.

– А вас много?

– Мать, я и сестра поменьше меня на два года.

– Да, жениться тебе не стоит, – сказала Лолита. – А пока-
жешь лягушку?

– Ты понимаешь, это не очень удобно...

– Не отниму я твою лягушку. Не трепещи.

– Но ты не сказала, – начал было Сева, – как превращать.

– Посмотрю, скажу. Лягушки тоже разные бывают.

– Тебе компота оставить? – великодушно спросил Сева.

– Я лишнего не ем, – сказала Лолита. – Нужно ограничи-
вать себя, а то потом всю жизнь на диете сидеть придется. А
ты где ее поймал?

– В болоте, – ответил Сева. – Как обычно.

– Ты хочешь сказать, – Лолита сделала громадные глаза и
подняла брови до самых волос, – что это не первая лягушка?

– Первая, – признался Сева. – Иначе бы я не сомневался.

– Но ты точно не будешь жениться?

– А тебе какое дело?

– Потому что вообще-то это сказка для дураков и младен-
цев. Ты не дурак?

– Нет.

– Значит, врун...

В домике было почти совсем пусто, потому что после ужи-
на все собирались в кино.

Сева открыл ящик тумбочки.

Он немного боялся, что никакой лягушки там не будет и Лолита осмеет его на весь лагерь.

Ничего подобного. Трудно глазам поверить, но в ящике сидела крупная зеленая лягушка с махонькой серебряной короной на голове и смотрела на них.

Некоторые девчонки боятся мышей, пауков, лягушек или крыс, но Лолита ничего не боялась.

Она протянула руку, но лягушка легонько отпрыгнула назад.

– Она у тебя не говорит?

– Если бы говорила, – ответил Сева, – не было бы проблем. Я бы ее спросил.

– О чем?

– О чем? О том, чего ей хочется.

– Я думаю, что ей поесть хочется, – сказала Лолита. – А может быть, поскорей вернуться в болото.

– Сейчас уже почти темно, – сказал Сева. – Куда я ее понесу?

– Надо взять таз с водой, – посоветовала Лолита, – и положить ее в таз. Пускай плавает. Ведь лягушки – водоплавающие.

– Обыкновенные, может, и водоплавающие. Но ведь это волшебная лягушка.

– Савин, не преувеличивай! – воскликнула Лолита. – Волшебных лягушек не бывает.

– А корона?

– Корону ей приделали, – сказала Лолита, – ясно, как водопровод. Неси таз.

– А куда его поставить?

– Поставишь под кроватью, никто туда смотреть не будет.

Они были так заняты разговором, что не заметили, что Гоша Жаба, можно сказать, родственник лягушки, только более жадный, стоит себе в сторонке и слушает. И ничем себя не выдает. Сева задвинул ящик тумбочки.

Лолита с Севой вышли.

Гоша подошел к тумбочке, приоткрыл ее и заглянул осторожно внутрь.

И в самом деле там сидела лягушка в короне.

Гоша стал думать, как этим можно воспользоваться.

А Лолита увидела Ванессу и спросила:

– Люсь, где нам тазик найти?

Лолита никогда не называла Ванессу Ванессой, но та терпела.

– Зачем тазик? – спросила она. – Волосы снова будешь перекрашивать?

– Чепуха, – сказала Лолита, – ты знаешь, что я с такими волосами родилась. Нам лягушку надо спрятать.

– Докатились, – засмеялась Ванесса.

Вообще-то Сева не был доволен тем, что Ванесса тоже узнала про лягушку, и ему хотелось дернуть Лолиту за рукав и попросить не выдавать тайну. Но Ванесса была не просто

человек, а очень красивая девушка. Или девочка. Ведь бывают красавицы в четырнадцать лет? Говорят, что Джульетта, из-за которой погиб Ромео, тоже была лет четырнадцати-пятнадцати.

– Все не так просто, – сказала Лолита своим ядовитым языком. – Наш Савин решил жениться на лягушке и нашел невесту, но она не хочет становиться красавицей.

– Опять савинские завирушки! – возмутилась Ванесса. – Таких типов надо изолировать.

– Прежде чем меня изолировать, лучше бы нам помогла, – рассердился Сева. – Неужели у тебя миски нет?

Тут Ванесса, конечно, рассмеялась.

– Не веришь! – обиделся Сева. Конечно, в его возрасте уже не стоит попадаться на такие глупые подначки, но как-то уж все глупо получалось. – Пошли, покажу.

– Подожди, – остановила его Лолита. – Ты о главном, конечно же, забыл.

Она перепрыгнула через клумбу и притащила оттуда оставленную садовником лейку. Большую садовую лейку.

– Ну чем не убежище для нашей принцессы? – спросила она.

– А вода там есть? – спросил Сева.

Лолита передала лейку Севе. Лейка была довольно тяжелая, в ней плескалась вода.

– Пошли, – сказал Сева Ванессе. – Ты такого еще не видала.

– Я в кино собиралась, – сказала Ванесса, – меня Гриша ждет.

Но, конечно же, она побежала в спальню к мальчикам.

Свет в спальне горел, только Гошу не было видно, потому что он стоял за дверью. Он так еще и не придумал, что ему делать. Гоша был всем хорош, но думал он медленно.

– Ну показывай, – сказала Ванесса, – только быстрее, меня Гриша ждет.

Когда тебе второй раз за три минуты говорят про Гришу, настроение не улучшается.

Глава пятая

Она знает все о кладах

Сева выдвинул ящик из тумбочки, там совершенно спокойно сидела лягушка. Будто ей самой было интересно, чем вся эта история закончится.

Ванесса наклонилась к лягушке, и та неожиданно подняла голову так, что Ванесса отпрыгнула.

– Она шутит, – догадался Сева.

– С ними надо осторожнее, – сказала Ванесса. – Честно говоря, я и не думала, что ты в самом деле поймал Царевну-лягушку.

– Ты лучше скажи человеку, что с ней делать! – воскликнула Лолита.

– Надо ее использовать, – сказала Ванесса.

– Как?

– Попросить ее клад показать.

– А разве лягушки показывают клады?

– Обычные лягушки ничего не показывают, а Царевны-лягушки знают, где лежат заговоренные клады, мне бабушка рассказывала.

Они все втроем смотрели на лягушку, будто ждали, что она кивнет.

Но лягушка не хотела кивать.

– Что надо сделать, чтобы лягушка показала клад? – спро-

сила Лолита.

– Но я же не помню! – ответила Ванесса. – Я тогда еще маленькая была. Она мне сказку рассказывала про лягушку и одного царевича.

Лолита задумалась. Остальные молчали. Лолита сказала:

– Люська, а твоя бабушка живая?

– Что с ней делается? – удивилась Ванесса. – Она еще меня переживет.

– Это хорошо, – сказала Лолита, – тогда можно ей позволить.

– А если бы она умерла? – спросила Ванесса.

– Ясное дело, – вмешался Сева, которому было грустно, что девочки совсем о нем забыли, как будто вовсе не он, а они сами нашли лягушку. – Тогда бы пришлось идти на кладбище и творить заклинания, чтобы бабушкино привидение нам помогло. Но привидения иногда не хотят помогать, даже своим внукам.

– Савин, прекрати свои глупости! – прикрикнула на него Лолита. – Пересаживай лягушку в лейку, и пойдем звонить Люськиной бабушке.

Сева взял лягушку, он к ней уже привык, будто всю жизнь на ладони носил, и осторожно переложил ее в лейку. Там, в глубине, булькнуло.

– А что, – сказал он, – так лучше, чем в миске. Никто ее не увидит.

Гоша, который все это слышал, выскользнул в открытую

дверь. Все были так заняты лягушкой, что его и не заметили. Он встал неподалеку, в тени. Ему тоже очень хотелось узнать, что скажет им бабушка Ванессы.

Фонари уже горели, но небо еще было светлым, хотя солнце село. В одной стороне неба перемигивались звезды, а на другой догорали краски заката. От столовой, в которой убрали столы и ставили рядами стулья, чтобы получился кинозал, доносился шум многих голосов.

– У меня дома мобильник есть, – сказала Лолита, – только сюда я его не взяла. Сами понимаете.

– Сами понимаем, – ответила Ванесса, – тебе звонить некому.

Лолита фыркнула, как разозленная кошка, но Сева не дал разгореться ссоре, а спросил:

– У кого попросить?

– Вообще-то мобильник у Гриши Сумского есть, – сказала Ванесса, – но он меня в кино ждет...

– Давай попробуем в дирекцию, – сказал Сева. – Или в медпункт. И оттуда позвоним.

– Все уже заперто, – вздохнула Лолита. – Думайте, друзья, думайте мозгами!

И тут к ним подошел Гоша Жаба. Он стоял у фонарного столба и был не виден, так что появился неожиданно. И совсем уж неожиданно сказал:

– Я тут услышал, что вам мобильник нужен. У меня есть.

– Спасибо! – сразу ответила Ванесса и протянула руку за

мобильником.

– Что-то ты такой добрый? – спросила Лолита.

– Я слышу, что вам нужно, а у меня есть...

Можно было подумать, что Гоша дурак или в самом деле добрый. Но хитрости в его голосе не было.

– А что мы будем тебе должны? – спросил Сева.

– Вы мне скажете спасибо, – ответил Гоша. – Я хочу с вами дружить.

– Давай сюда мобильник, – повторила Ванесса.

Она привыкла всем нравиться. А раз она нравилась, то люди для нее делали всякие вещи специально, чтобы ее порадовать. И без очереди пропускали, и удобное место отдавали, и оказывали всякие любезности.

Гоша достал мобильник – он у него был в заднем кармане джинсов.

– Не подслушивай! – приказала ему Ванесса.

Лейка стояла на земле между ними, Гоша поглядывал на нее, но не часто. Сева чувствовал: что-то здесь не так, но объяснить не мог.

Ванесса набрала номер и отошла с мобильником в сторону. Но все равно было слышно, о чем она разговаривает.

– Бабуля, – запела она медовым голоском любящей внучки, которой нужно стрелкнуть у бабушки десятку. – Как ты себя чувствуешь? А как твой радикулит? Нет, мне ничего не нужно, у меня все в порядке. И погода хорошая. Спасибо, бабуля... А что я звоню? Проведать тебя звоню... Да, кстати,

я хотела спросить, помнишь, ты мне когда-то давно рассказывала сказку про Царевну-лягушку? Помнишь? Нет, не ту, где она за Ивана-дурака замуж выходит, а где она умеетклады показывать, помнишь? Зачем? У нас постановка, в драмкружке, а я играю Царевну-лягушку. Как? Нет, ты подробнее вспомни, что надо конкретно делать? Бабушка, я тебя не понимаю, что у тебя, память отшибло? Ну смотри у меня!.. Шучу, шучу. Значит, ты утверждаешь, что...

Тут взгляд Ванессы упал на Гошу, который переминался с ноги на ногу и ловил каждое ее слово.

– Все, – сказала Ванесса. – Я поняла. Привет, не болей.

Она отдала телефон Гоше и сказала:

– Спасибо, за мной не заржавеет.

– А что бабушка сказала? – спросил он.

– Бабушка велела поцеловать лягушку в самый носик. А ты о чем спрашиваешь?

– Я? Ни о чем. Просто интересуюсь.

Ванесса подхватила лейку и пошла по дорожке.

Гоша остался стоять на месте, а Сева с Лолитой поспешили за Ванессой.

Когда они отошли метров на сто и остановились около приземистого кирпичного здания склада, Ванесса огляделась.

В сумерках казалось, что за каждым деревом, за каждым углом кто-то притаился.

– Вроде все чисто, – сказала она.

– Ну, что бабушка сказала? – спросил Сева.

– К сожалению, ничего толкового, – ответила Ванесса. – Она сказала, что лягушку надо мучить, пытаться, что по доброй воле она никакого клада не покажет. А если почувствует, что ее смерть идет, то тогда, может, и признается.

– Нет, – сказал Сева, – так у нас не пойдет.

– Конечно, не пойдет, – согласилась Лолита. – Так и быть, женись на ней.

– Мы пока лейку у нас в спальне поставим, – сказала Ванесса.

– Почему?

– Потому что у вас кто-нибудь обязательно ее опрокинет или Гоша начнет ее допрашивать.

– К счастью, он ничего не слышал, – сказал Сева.

– Может, зря мы так к нему относимся, как к жабе? – сказала Лолита. – У него тоже бывают движения души.

– Если у него есть душа, – добавил Сева.

Вся история с мобильником ему не очень понравилась.

– Может, отпустим ее? – спросил он.

– Глупости, – сказала Ванесса. – Мы ее, конечно, мучить не собираемся, но лучше, если завтра с утра мы с ней серьезно поговорим. Она же сама к тебе, Сева, напросилась.

– Хорошо, – согласился Сева.

Конечно, в спальне у девочек, где никто не знает о разумной лягушке, безопаснее... А с чего он решил, что лягушка разумная?

– Ну мы пошли, – сказала Ванесса, – может, еще в кино успеем, ко второй части.

– Тогда я вам места займу в зале, – сказал Сева.

Во всей этой истории был плюс – все же его отношения с девочками изменились. Теперь он для них не чужой.

– Мы придем через пять минут, – сказала Лолита.

Глава шестая

Спасите царевну!

Девочки вернулись через пять минут, как и обещали. Сева принес стулья и поставил их, правда в последнем ряду, но ведь кино уже началось. Шел фильм из «Звездных войн», где Гиннес сражается на световых мечах, все его видели тысячу раз, но в лагере любой фильм смотрится иначе. Даже «Три поросенка» покажутся боевиком.

Сева сначала не хотел смотреть, а думал о лягушке. Во всей этой истории печально то, что он принес лягушку, чтобы она превратилась в царевну, а все остальные, в смысле Лолита и Ванесса, думали только о кладах и сокровищах. Правда, к счастью, они довольно легкомысленные и не стали сразу допрашивать лягушку, а отложили разговоры с ней на утро. Если бы были жадные, то наверняка бы не утерпели.

Может, лучше забрать лейку с лягушкой к себе или отнести ее в лес, а то вдруг кто-нибудь в женской спальне заглянет в лейку и удивится, а то просто вынесет лейку и выльет воду. Тут прилетит сова и схватит лягушку...

Сева так ясно увидел эту страшную картинку, что хотел было выскочить из столовой, чтобы спасти лягушку.

– Ты что? – прошептала Лолита, которая все видит, даже когда не смотрит.

– Погулять хотел.

– Когда люди смотрят «Звездные войны», – сказала Лолита, – они не гуляют, а если они боятся, что их прекрасную лягушку кто-то склюет, то они дураки. Ни одна ворона в лейку не залезет, и другого такого безопасного убежища для лягушки не найдешь.

– Потише, – прошипела Ванесса, которая обладала счастливым свойством: сколько бы раз она ни смотрела картину, каждый раз для нее был самым первым. Она начисто забывала, что там происходило в прошлый раз. – Принцессу жалко.

И все же Сева не выдержал. Все равно кино уже кончилось, Люк перетащил принцессу на свой корабль, и они прорывались к ее планете.

– Наши победят, – сказал он Ванессе.

Она только отмахнулась.

Пригнувшись, Сева побежал к задней двери.

Снаружи стало совсем темно, но взошла луна, и фонари горели ярче, чем в сумерках.

Сева добежал до женского домика, но не вошел, потому что сообразил: сейчас уже поздно, кто-то из девчонок наверняка лег спать и, если он сейчас заберется к ним, такой визг поднимется, что весь лагерь сбежится и Севу наверняка вышибут из лагеря за хулиганство.

Он остановился возле дверей в домик. Сквозь щель приоткрытой двери пробивался свет, изнутри доносились голоса.

Может, постучать и попросить вынести лейку? Но он да-

же не спросил, где они ту лейку поставили. Не будут же для Севы ее искать по всей большой комнате!

Что ж, решил тогда Сева. Он останется здесь у выхода из домика и подождет, пока кончится кино и придет Лолита. Зато он будет уверен, что никто не возьмет лейку и не унесет ее.

Успокоив себя, Сева стал искать, где бы присесть.

Обернулся вокруг своей оси, как собака, которая ловит свой хвост, и тут увидел...

Это был один из самых ужасных моментов в жизни Севы Савина!

Большая зеленая лейка, размером с ведро, валялась на боку на клумбе.

Сева даже ни на секунду не усомнился в том, что это та самая лейка!

В странной и глупой надежде на то, что произошла случайность и кто-то из девочек, увидев лейку в спальне, вынес ее, Сева сунул руку внутрь лейки.

Там было сыро, но вода уже вытекла. И, конечно, лягушки там не оказалось. «Ускакала моя лягушка», – сказал себе Сева, хотя сам в это не поверил.

Он понимал, всей шкурой чувствовал, что лейку вынесли из спальни те, кто знал о лягушке...

Но кто? Нет же такого человека! Только девочки знают, но они точно сидят в кино.

Может, лягушка ускакала и сидит где-то рядом?

А фонарика нет.

– Лягушка, – прошептал Сева. – Ты где?

«Она же молчит, она не разговаривает. На что я надеюсь?»

И тут ему показалось, что он слышит голос. Не просто голос, а подозрительный голос. Сева был взволнован и напряжен, словно натянутая рогатка. Тысяча шумов, шорохов, шуршаний, голосов жили в вечернем воздухе, но лишь один возглас показался ему странным и подозрительным.

Сева кинулся в ту сторону.

Пробежав несколько шагов, Сева замер, снова прислушиваясь, чтобы понять, куда двигаться дальше.

Потом понял, откуда доносится голос.

За спортивной площадкой был бассейн. Он был старый, как сам лагерь, и трубы в нем проржавели, поэтому воду туда не напускали. А начальник лагеря говорил Майе, что на той неделе приедут специалисты по бассейнам и будут решать, как его приводить в порядок.

Бассейн был бетонный, бетон кое-где потрескался, а на трехметровой вышке, от которой остался только железный скелет, на всякий случай горел большой фонарь. Уж очень эта пропасть была соблазнительной для таинственных дел.

Сева выбежал на край бассейна.

И увидел, что на дне сидят на корточках два человека, а между ними лежит кусок фанеры. К фанере что-то прикреплено...

Налетал ветер, фонарь на вышке раскачивался, и тени от

людей метались по бассейну – совершенно не разберешь, что там происходит.

Дно бассейна полого спускалось к вышке, где была яма, чтобы прыгуны, ныряючи, не наставили себе шишек. Там и возились люди.

Сева соскочил с бортика и пошел на цыпочках к яме. Дно было замусоренным и кое-где скользким.

И когда до цели оставалось шагов десять, Сева все понял и замер.

Спиной к нему на корточках сидел Гоша Жаба, рядом с ним – Гриша Сумской. К фанерке была привязана царевна-лягушка, причем так, что ее лапы были растянуты в стороны, как растягивают баранью шкуру, чтобы просушить, или как распяли на косом кресте святого Андрея Первозванного. А если бы на лягушку посмотрел дедушка Севы, он бы решил, что попал на урок биологии. Когда-то в школе на живых лягушках учили рефлексy, условные и безусловные, и лягушек замучивали до смерти.

Свет фонаря упал на лягушку, и Сева успел увидеть, что коронки на ее голове нет – вместо нее кровавая ранка.

И тут Гоша воткнул острие перочинного ножа, хорошего швейцарского ножа с двадцатью лезвиями, которым хвастался еще утром, в лапку лягушки и вежливо спросил:

– Не беспокоит, ваше высочество?

– Ну, ты даешь! – воскликнул Гриша Сумской.

Именно этот голос и услышал Сева издали.

И Гриша довольно глупо рассмеялся.

– Ну давай же, признавайся! – Гоша полоснул своим ножичком по груди лягушки. Она сжалась судорогой и даже пискнула – а может, Севе это показалось, потому что он почувствовал, как больно маленькой лягушке под этим жестоким ножом.

– Не убей ее! – предупредил Гошу Сумской.

– А я ее убью! Убью, гадюку! Почему она молчит? Она должна признаться. Она же знает. Я ей сейчас глаз выколю!.. Ну, где здесь шило?

– Дурак ты, Гоша, – сказал разумный Гриша Сумской. – Замучаешь лягушку, останемся без клада. С одной короной.

– Корона тоже денег стоит! – сказал Гоша. – Я же смотрел. В ней бриллианты.

– Бриллианты, только для муравьев.

– Вот шило! – Гоша показал шило распятой лягушке и сказал: – Сейчас ты потеряешь глаз. Только из-за своей проклятой жадности. На что тебе бабки, тварь земноводная? Глаза дороже! С какого начать, с правого или левого?

И когда Гоша наставил шило на глаз лягушки, Сева не выдержал.

Он перестал рассуждать, а кинулся вниз, в яму.

– Убью! – кричал он. – Убью!

Конечно же, он поскользнулся, шлепнулся задом на гнилые листья и поехал, как с горки, набирая скорость.

Гоша с Гришей вскочили, обернулись, испугались и хоте-

ли было бежать, но сначала не сообразили куда, а потом Гоша понял, в чем дело, и выставил вперед нож.

– Это Савин! – закричал он. – Это Севка Савин! Не бойся, Гришка!

Но Сева даже не слышал этих слов. У него была одна цель – фанерка с распятой лягушкой, и прежде чем что-либо еще случилось, он на лету дотянулся до фанерки и изо всех сил выкинул ее наверх, прочь из бассейна.

И в следующее мгновение на него накиннулись сразу два врага.

Сильный и большой Гриша принялся молотить Севу кулаками, а Гоша сначала полоснул его по руке перочинным ножиком, а потом рванулся было наверх, за лягушкой, но Сева успел схватить его за ногу и дернуть к себе. Гоша грохнулся на бетон, как раз под ноги Сумскому, который тоже не удержался и упал на дно бассейна, хотя не переставал при этом молотить Севу.

Сева не чувствовал боли, а ему было радостно – лягушка спасена! Он закрывался от ударов, пытался отбиваться – хотя вряд ли у него были какие-нибудь шансы в сражении с Гришей Сумским и с Гошей, который хоть и не был великим бойцом, но был очень злым, и у него был ножик. Вообще-то, как вы знаете, если ребята дерутся, то ножи они не достают – это бандитское дело, но Гоша не знал ни чести, ни законов – он был очень злой от постоянной жадности, которая грызла его, как крыса.

Сева понимал – надо кричать или убегать.

Глава седьмая

Превращение лягушки

Сева не мог кричать – даже в такой момент кричать было стыдно.

– А ну, прекратить! – раздался сверху голос. – Двое на одного! Сейчас у меня из лагеря вылетите!

И голос был такой начальственный, что Гриша тут же отпустил Севу и отпрыгнул в сторону. Он был сильный, но очень разумный и всегда рассчитывал, что ему выгодно, а что не очень.

Зато Гоша озверел и остановиться не мог.

Но при этом он соображал, что лучше быть невиноватым. Поэтому он продолжал нападать на Севу, но кричал:

– Это он на нас напал! Это Савин виноват! Это все Савин!

– Сколько раз повторять? – произнес голос вверху.

И тогда Гоша все-таки отпустил Севу и побежал наверх. Он скользил по гнилым листьям и банкам от пепси, но карабкался следом за Гришей.

Сева сидел на дне бассейна. У него звенело в ушах и рукам было больно.

Лолита прыгнула с борта к Севе. И это был, скажу я вам, прыжок!

Как минимум три метра! Косички разлетелись кругом – как спицы велосипедного колеса.

Она легко поднялась.

А Ванесса уселась на бортик, свесив ноги.

Лолита сказала:

– Ты сошел с ума! У тебя все руки в крови! Ты что, за бритву хватался?

– За ножик, – ответил Сева. – У него был ножик, и он им пытал лягушку.

– Ты что говоришь? – спросила сверху Ванесса, болтая ногами. – Зачем Гоше Жабе пытаться лягушку?

Но Лолита уже догадалась.

– Это я виновата, – сказала она и достала из кармана шортов носовой платок. – Я же забыла, что он мне хвастался. У него сотовый с магнитофоном. Он разговоры записывает. Значит, он твой, Люська, разговор с бабушкой записал.

– И понял, что нужно самому лягушку допрашивать, да?

– Все понял и лягушку утащил... как все просто, если ты идиотка.

– Ну ко мне, по крайней мере, это не относится, – сказала Ванесса. – И попрошу меня не называть Люськой. Ты же знаешь, что я этого не выношу. Я же тебя Дашкой не обзываю.

Лолита только отмахнулась и спросила Севу:

– А где лягушка? Они ее убили?

– Нет, я ее отбросил – туда.

Ванесса обернулась.

– Никого не видно. Прости-прощай наша лягушечка, обойдемся без кладов.

– Главное, что она жива.

– Главное, – сказала Ванесса, – что ты, Савин, не смог с Гошей справиться. А еще мячом кого хочешь на месте убиваешь!

– У него был нож! – сказала Лолита. – Неужели ты не понимаешь, что Гоша Жаба настоящий бандит?

– Он был не один, – сказал Сева. Он вытирал царапины и порезы, но кровь все равно сочилась. – С ним был Гришка Сумской.

– Ну уж это ты не придумывай! – обиделась Ванесса. – Гриша случайно там оказался.

– Видно, ему сокровище понадобилось.

– Зачем?

– Чтобы к твоим ногам положить.

Ванесса не поняла иронии и всерьез ответила:

– Я бы не взяла такое сокровище. Особенно если бы они тебя убили.

– Люська, ты чудо простоты, – сказала Лолита. – А тебе, Сева, надо срочно в медпункт. Ты заражаешь заражение крови, это я тебе гарантирую. Ой, у тебя и на щеке порезано!

Руки и разрезанную щеку щипало жутко. Но в медпункт Севе не хотелось. Надо объяснять, почему он дрался и с кем... Потом все скажут, что он доносчик. Нет...

– Нет, – произнес он. – Мне надо сначала лягушку найти.

– Ты же ее выкинул?

– Она была привязана... или приколотая к листу фанеры.

– Сейчас посмотрю, – сказала сверху Ванесса.

– Нет, я сам!

Сева вырвался от Лолиты, которая ему вытирала кровь со щеки, и побежал к лесенке.

Как больно! Но нельзя показывать! Они ему, наверное, все ребра поломали!

Особенно больно было подниматься по лесенке.

Ему казалось, что сейчас руки откажут и он грохнется обратно в бассейн.

Нет, нельзя показывать свою слабость. Сзади стоит Лолита, ей бы только заботиться о ком-нибудь! Бывают же такие женщины. И почему только ее Лолитой прозвали?

Сева поднялся по лесенке, но когда пришлось перебираться на борт бассейна, стало так больно, что он замер с поднятой ногой. Наверное, это было глупое зрелище.

– Нет нигде твоей лягушки, – сказала Ванесса. – Ускакала помирать в кусты. Как говорит моя бабушка: «Финита ля комедия».

– Все, хватит, идем в медпункт, – сказала сзади Лолита. – Или я позову медсестру сюда.

– Не надо, – раздался незнакомый голос. Сразу и голос девочки, и голос взрослой девушки.

По ту сторону клумбы стояла Царевна-лягушка.

Никто Севу не предупреждал, какие бывают лягушки, когда становятся царевнами, но он просто знал об этом, это было так же очевидно, как солнце и звезды.

– А мне уже и не больно, – сказал Сева.

Он старался, чтобы его голос не дрожал, а он все равно дрожал от волнения.

– Ты кто такая? – спросила Ванесса.

Хотя, конечно же, спрашивать было излишне.

Царевна была одета обыкновенно. Только платье было длинным, почти до пола, такие у нас не носят. И золотистые волосы, конечно, по плечам, как водопадики. Очень приятная царевна. И, наверное, ее можно было принять на улице за обыкновенную девушку, если бы не глаза. Они светились чуть-чуть, но достаточно, чтобы понять, какого они бирюзового цвета. А когда она говорила, из них вылетали смешинки.

– Спасибо, Сева, – сказала царевна. – Нам, лягушкам, обычно не везет на рыцарей.

– Он тебя ножиком резал! – сказал Сева.

– У лягушек это быстро заживает, – сказала царевна. – Как и на тебе.

– Ему надо в медпункт, – упрямо сказала Лолита.

– У меня с собой есть целебная мазь, – ответила лягушка. – Да и не стоит так поздно беспокоить медсестру, она сейчас с поварами играет в подкидного дурака.

– Скажи ему, – вмешалась Ванесса, – что Гриша тут ни при чем.

– Да, кстати, – сказала царевна. – Возьми, Ванесса, у Гриши Сумского мою корону. Она, конечно, маленькая и не

очень ценная, но мне ее мама на день рождения подарила. Я думаю, что он не посмеет тебе отказать.

«Как тебе не стыдно!» – хотела было обидеться Ванесса, потом сообразила, что лучше не обижаться.

Она сказала:

– Ладно.

Как будто сделала всем одолжение.

– Спокойной ночи, Лолита, – сказала Царевна-лягушка. – Спасибо тебе, что ты так позаботилась о Севе. Его раны почти зажили.

– И все же, – сказала упрямая Лолита, – я считаю, что в двадцать первом веке всегда полезнее пойти в медпункт, чем лечиться так называемыми волшебными средствами. У всяких знахарей...

А так как ей никто не ответил, то она резко повернулась и ушла следом за Ванессой.

Зашумели голоса, захлопали двери, послышался смех. Это кончилось кино. И все расходились по домикам.

– Пошли со мной, – сказала царевна.

Она шагнула прямо в кусты, и кусты расступились перед ней.

Сева шел за ней, и за его спиной кусты беззвучно смыкались.

Они вышли на небольшую полянку, ярко освещенную лунным светом. Сева никак не мог сообразить, где в лагере прячется такая полянка.

Посреди полянки стоял небольшой столик на тонких гнутых ножках.

На столе были банки и баночки старинного вида.

– Снимай футболку, – сказала царевна, – все равно она у тебя рваная.

Она взяла футболку Севы и кинула ее в кусты.

Там в кустах зашуршало. Захлопотали чьи-то ножки и ручки.

Зашептались голоса.

Царевна взяла со стола флакон и налила из него себе на ладонь густой, как сметана, мази.

– Подставляй физиономию, – сказала она.

И тут Сева вдруг понял, что она только кажется его ровесницей, а в самом деле она постарше. Ей лет шестнадцать.

Нежной рукой, тонкими пальцами царевна стала втирать мазь в щеку Севе, потом в плечо, потом смазала порезанные руки.

– До свадьбы заживет, – сказала она, – бери футболку.

Целая, чистая футболка лежала на траве у Севиных ног.

– И что теперь будет? – спросил Сева.

Царевна засмеялась.

– Правильный вопрос. Я бы то же самое спросила.

Она потянулась, как со сна, и взбила обеими руками свои длинные волосы.

– Ох и устала же я сегодня, – сказала она. – То в тумбочке, то в лейке, а то тебя пытаются, как Муция Сцеволу. Ты, конеч-

но, болел, когда в школе проходили про Муция Сцеволу?

– Точно, болел.

– Посмотришь в истории Древнего Рима. Главное то, Всеволод Савин, что ты прошел испытание. И отныне твоя жизнь будет очень интересной, но трудной и опасной. Тебя это не смущает?

– Ни в коем случае! – воскликнул Сева.

– Мы знали, что ты выдумщик, авантюрист, порой не самый храбрый и точно уж не самый сильный из ребят города Москвы. Но в тебе были качества, очень нам нужные. Поэтому пришлось устроить тебе испытание.

– Это было испытание?

– Да, и не обижайся. Нам нужно было понять, верен ли ты друзьям, способен ли забыть о себе, когда надо помочь слабому, хороший ли ты человек.

– Самый обыкновенный, – признался Сева. – А кто вы такие?

– Мы – жители мира сказок. Мы спасатели легенд. Мы затеяли великую эпопею, но нам нужны союзники среди людей.

– И что же вы затеяли?

– Мы поговорим с тобой, когда ты отдохнешь и когда нам понадобится твоя помощь.

– Какая помощь?

– Мы будем строить убежище для жителей сказочного мира, которым некуда деться среди людей, машин и денег. Без

твоей помощи нам не справиться.

– Я согласен, царевна, – сказал Сева. – Что надо делать?

– Пока что надо идти спать, потому что вот-вот будет отбой. Пока что надо молчать о нашем с тобой разговоре. Пока что надо ждать. Спокойной ночи, мой Иванушка!

– Спокойной ночи, Царевна-лягушка, – ответил Сева.

– До встречи, – сказала Царевна-лягушка и вдруг растворилась в ночном воздухе, наполненном светом луны и звезд.

Шлеп!

У ног Севы сидела лягушка.

Без короны. На голове темный шрам.

Лягушка прыгнула и в одно мгновение скрылась в кустах.

Только листья зашуршали.

Глава восьмая

Звонок из лагеря

В обширный, как хоккейный стадион, скромно и без вкуса обставленный кабинет Георгия Георгиевича Полотенца, президента Международного унитарного фонда развития (МУФР), без стука вошла Элина Виленовна, секретарь Георгия Георгиевича и всего МУФРа в целом.

Была Элина Виленовна сказочно красива, как девушка-спортсменка со старого плаката. Ее пшеничные кудри рассыпались по широким плечам пловчихи, лицо несло на себе следы загара Сейшельских островов, а дробная быстрая походка была точно такой же, как у ее любимого жеребца Добриона, на котором она возвращалась домой, если на улицах были пробки и ее машина была вынуждена в них задерживаться.

– Совещание в три тридцать, как объявлено? – спросила Элина Виленовна.

– Разумеется, – ответил Георгий Георгиевич, не поднимаясь из кресла.

Он не любил стоять рядом с Элиной Виленовной, потому что она была выше его на голову, а может, и на две головы, а ее ноги начинались там, где у него была толстая шея.

Элина Виленовна была подчиненной Георгия Георгиевича и должна была ему во всем подчиняться, потому что он

мог запросто выгнать ее с работы, но на самом деле Георгий Георгиевич очень боялся, что она сама от него уйдет.

– Чай, кофе? – спросила Элина Виленовна.

– Вы же знаете, – сказал Георгий Георгиевич. – Ти фор ту. Что означает – чай для двоих.

Элина Виленовна не удивилась, а щелкнула пальцами – это она умела, и на журнальном столике в углу кабинета появился поднос с японским чайником, маленькими чашечками и любимым печеньем Георгия Георгиевича – птифур.

Они уселись за столик напротив друг друга, и Георгий Георгиевич стал рассматривать ноги Элины Виленовны, которые напоминали о том, что она мастер спорта и чемпион Белгородской области по прыжкам в высоту.

– Что тебя печалит? – спросила Элина Виленовна голосом нежного друга и доверенного лица.

– Я почти разорен, – искренне ответил Георгий Георгиевич. – За ближайшую неделю мне надо собрать пятьдесят семь миллионов долларов.

– Пятьдесят семь миллионов, – задумчиво повторила Элина Виленовна. – Немалые деньги. Я подумаю.

И тут раздался телефонный звонок.

Зазвонил секретный аппарат. Личной связи.

– Мой мальчик, – прошептал Георгий Георгиевич.

Георгий Георгиевич был недобрым человеком, эгоистом и хамом. И на самом деле на всем белом свете он любил только своего сына и наследника Гошу. Ради него трудились все ко-

лесики мозга Георгия Георгиевича, и к нему сходились заботы многих подчиненных Полотенца. Любые сомнения в гениальности мальчика пресекались на корню. Даже собственную жену Аглаю, на которой он женился по душевной склонности, потому что она обещала родить ему такого же богатырчика, как он сам, он разлюбил за неосторожную фразу. Когда она родила мальчика, уже в три дня удивительно похожего на своего отца, Георгий Георгиевич пришел к ней в отдельную палату на специальном этаже с букетом цветов. Он поздравил ее, вручил ценный подарок в виде серебряной цепочки на шею и сказал:

– Спасибо тебе за Георгия.

– Послушай, Гоша, – возразила Аглая, – может, хватит в нашем семействе Георгиев? Николай – тоже хорошее имя.

Без слова муж повернулся и покинул палату, прихватив с собой ценный подарок. С тех пор он жену Аглаю не любил. Хотя мальчика, конечно же, назвали Георгием, Георгием Георгиевичем Полотенцем, будущим президентом и мультимиллионером. И чтобы стать таким, как объяснил ему папа, он должен будет учиться, учиться и еще раз учиться. А если списывать, то так, чтобы ни одна сволочь не заметила.

Этот совет Гоша усвоил и в школе считался если не отличником, то хорошим учеником. И почему такому вежливому мальчику не поставить лишнюю пятерку? Зато к празднику Восьмого марта его папа, тоже очень вежливый, обязательно подарит что-то небольшое, но приятное.

И вот раздался телефонный звонок.

Элина Виленовна вскочила и хотела покинуть кабинет, но Георгий Георгиевич, поднимая трубку, произнес:

– Оставайтесь, у меня от вас секретов нет.

Это было неправдой, потому что у Георгия Георгиевича были секреты от всех, даже от себя самого.

– Папочка, – раздался в тишине гулкого кабинета голос Гоши.

На экранчике видеодфона появилась его физиономия.

– Спасибо, что ты позвонил мне, – сказал Георгий Георгиевич. – Все ли у тебя в порядке? Уважают ли тебя товарищи?

– Папа, – сказал Гоша, – у нас случилось странное происшествие, и я хочу с тобой посоветоваться.

– Молодец, – сказал папа. – Я никогда не оставлю тебя своими советами.

– Один мальчик в нашем отряде нашел лягушку с короной на голове.

– Уродка, что ли? – спросил Георгий Георгиевич.

Элина Виленовна постучала кровавыми ногтями по столу.

Георгий Георгиевич откликнулся на постук и увидел, что его секретарша хмурит соболиные брови. И сразу задал вопрос:

– Что еще особенного в лягушке?

– Мы коронку с нее сорвали и стали выпытывать, где лежит клад.

– Почему возникло подобное подозрение? – спросил Георгий Георгиевич.

– Разговор с бабкой подслушали.

И Гоша изложил события, правдиво, только собственную роль чуть приукрасил. Все-таки мальчик, надо понимать.

– Что за коронка? – спросил Георгий Георгиевич.

– Из камушков, блестящая, ее Гриша Сумской взял.

– А ты отдал?

– Я добрый, папочка, мне часто за это приходится расплачиваться.

– Да, ты добрый!

Георгий Георгиевич слушал голос сына, и у него в животе щекотало от счастья.

Все в мире уравновешено. Если на одной чашке весов лежит любовь к сыну Гоше, то чаще всего на другой чашке находится нелюбовь к другим мальчикам. Если в Индии идет дождь, то в Исландии наступает засуха.

– Что нам теперь делать, папочка? – спросил Гоша.

Элина Виленовна быстро нацарапала на столике светящуюся надпись: «ДОСТАТЬ КОРОНУ».

Георгий Георгиевич проглотил слюну, провел свободной рукой по лбу и опомнился. Нельзя, чтобы любовь к мальчику отвлекала от важных дел. Спасибо Элиночке, что никогда не забывает об интересах Фонда.

– Слушай меня внимательно, – сказал папа. – Пойди к своему приятелю и вели ему возвратить корону.

– А если он не захочет? – спросил Гоша.

– Как так не захочет?

– Потому что он сильнее меня.

– Как он смеет! – воскликнул Георгий Георгиевич. – Он у меня тут же вылетит из лагеря!

Элина Виленовна положила кончики длинных пальцев, украшенных кровавыми ногтями, на руку своему шефу, и тот снова опомнился.

Вздохнул и продолжал:

– Засвечиваться тебе нельзя. Предложи деньги, соблазни чем-нибудь, но шума не поднимай. Если возникнут сложности, немедленно отбей мне тревогу. Тебе понятно, солнышко?

– Будет сделано, папа, – ответил Гоша, который тоже любил своего папу. Правда, он любил и свою маму, но куда меньше, потому что мама все время приставала со всякими глупыми советами и велела чистить зубы. Иногда Гоша даже лелеял злобную мыслишку: вот не было бы мамы, не надо было бы мыть руки, чистить зубы, есть манную кашу и говорить «спасибо». Но понимал, что всегда кто-нибудь в его жизни будет ему приказывать. Так уж лучше мама, чем какая-нибудь Элина.

Когда Гоша отключился, Георгий Георгиевич спросил Элину Виленовну:

– Ты чего сигнализировала?

– Ты не представляешь, на какой след мы вышли, – про-

шептала она. – Рехнешься, когда узнаешь.

– Говори.

– Не кабинетный разговор.

– Выйдем.

В шкафу за спиной Георгия Георгиевича умещался небольшой лифт на двоих. Стоять в нем можно было только прижавшись. Георгий Георгиевич уткнулся носом в живот секретарши, а она поглаживала ему затылочек. Георгию Георгиевичу было щекотно и сладко.

Лифт поднял их в зимний сад, на крышу здания МУФРа, откуда открывался вид на площадь Белорусского вокзала.

Там воняло бензином, стоял шум и треск от машин, толпившихся внизу, рядом ревели потоками автомобилей Тверская улица. Площадка зимнего сада была огорожена железным забором, покрашенным в ржавый цвет, чтобы снаружи не догадались, какое богатое учреждение таится в здании между Третьей и Четвертой Брестскими улицами.

– Надо отсюда переезжать, – сказал Георгий Георгиевич. – А то отравимся.

– Нельзя переезжать, – возразила Элина Виленовна. – Зато здесь нам никто не завидует. Думают, что мы еле-еле концы сводим.

– Докладывай. – Георгий Георгиевич не любил разговоров на неприятные темы. Он хотел, чтобы вокруг все были довольны, а он счастлив.

– Это она, – сказала Элина Виленовна. – Из породы Васи-

лисы Прекрасной. Слыхали?

– Что-то в детстве мне говорили, – согласился Георгий Георгиевич. – Напомни.

Надо сказать, что сказок Георгий Георгиевич не выносил. Там все были богатыри и рыцари. А толстому мальчику небольшого роста даже в дураках места не находилось.

– Это Царевна-лягушка. Их и раньше было немного, а в наши дни, по моему мнению, они вымерли окончательно. Оказывается, одна осталась. Сидит в болоте, отличается от обычных лягушек только бриллиантовой короной на голове, но если ее отыщет добрый молодец, она превращается в царевну.

– И что же?

– А то, что может стать женой доброго молодца и дать ему полцарства.

– И у моего Гоши есть шанс? – обрадовался Георгий Георгиевич.

– Не он нашел царевну... нет, не он... – Элина Виленовна задумалась, потом потрепала своего шефа по пухлой, в красных жилках щеке и добавила: – И вообще, мне вся эта история не очень нравится. Похоже на инсценировку. И лягушка не настоящая, и принцесса не та. Надо проверить корону. Если она из стекла, а тем более фабричной работы, значит, они нас разыгрывают. Но если корона настоящая, значит, есть шансы.

Георгий Георгиевич понял далеко не все. Поэтому спро-

сил свою секретаршу:

– Элина, скажи искренне, этот случай может быть связан с нашими планами?

– На это я надеюсь, – сказала Элина, – и от этого трепещу.

– Значит? – прошептал с надеждой ее шеф.

Элина отогнала осу, которая вертелась рядом, и крикнула ей вслед:

– Лучше не возвращайся!

– А я все слышала! – завизжала оса издали.

– Нигде покоя нет, – вздохнула Элина.

– Враги или конкуренты? – спросил Георгий Георгиевич.

– Конкуренты, – ответила Элина и продолжала: – Эту корону надо добыть, чего бы нам это ни стоило. И ваш мальчик этого не сможет сделать.

– Мой Гоша? – Георгий Георгиевич хотел было рассердиться, но вспомнил, как он любит своего сына и поэтому хочет ему безопасного счастья. Поэтому он сказал: – Высылай ему подмогу. Можешь взять мой вертолет.

– На электричке надежней, – сказала Элина.

– На вертолете скорей. И научись, наконец, подчиняться!

– Слушаюсь, шеф, – проворковала Элина.

А когда Георгий Георгиевич первым пошел к лифту, она спросила вслед:

– Хотите послушать идею, как добыть завтра же пятьдесят семь миллионов долларов?

– Хочу, – сказал Георгий. – Если это, конечно, законный

путь.

– От тебя, кролик, то есть от вас, шеф, зависит, будет он законным или преступным. Но говорить будем не здесь, где нас уже засекли, а в комнате матери и ребенка на вокзале.

– Пошли!

– Сначала надо послать помощь к вашему Гоше. Кто пойдет?

Георгий Георгиевич не ответил, он только склонил голову в знак согласия. Они уже решили этот вопрос с Элиной без лишних слов.

И, войдя в свой кабинет, Георгий Георгиевич нажал на кнопку на столе и сказал:

– Ванюша, зайди к Элине Виленовне, она изложит тебе детали.

Глава девятая

Судьба алмазной короны

Ах, как была права Элина Виленовна! Не подвела ее интуиция.

У Гоши возникли трудности.

Он поговорил с отцом и пошел искать Гришу Сумского.

Он даже знал, где искать Гришу.

Ведь после завтрака Гриша уходил на полянку за медпунктом, чтобы заниматься там культуризмом.

Почти все знают, что такое культуризм, но если вы не слышали, то я объясню. Есть странные люди, не только мужчины, но и девушки, которые думают, что если у них пять пудов мышц, то они станут всех умнее и красивей.

Пока что Гриша Сумской не добился больших успехов, может, возраста маловато. Но старался. По крайней мере, себе самому он казался все красивее с каждым днем.

Гоша побежал на полянку.

Сумского там не было.

Потому что Гриша Сумской лежал в траве, смотрел в небо, на утренние кучевые облака и рассуждал о жизни. Он был рассудительным человеком.

Между большим и указательным пальцами он держал корону, которую они сорвали вчера вечером с лягушки, и смотрел сквозь нее на небо. Камешки, из которых она была сде-

лана, сверкали, словно фонарики.

Очень красиво.

Гриша думал, как неплохо у него складывается жизнь. Многие его уже любят, а еще больше людей полюбят его завтра, когда он станет великим культуристом. А когда он станет чемпионом мира, то у сцены, где он получит золотую медаль, его будет ждать очень красивая девушка, куда красивее Ванессы, и протянет ему букет цветов. А Гриша вынет из кармана корону и водрузит ее на голову красавице. Ничего, что корона пока маленькая, подрастет!

Он улыбнулся своей шутке и хотел спрятать корону в карман, как из кустов вышла хромая бабка в армейском камуфляже и строго сказала Грише:

– Ты эту корону выкинь, выкинь, если хочешь остаться в живых!

Гриша вскочил, он уважал старших, но не настолько, чтобы кидаться коронами.

Он даже застегнул карман. Уж очень зловещая была бабушка.

– Я не знаю никакой короны, – сказал он. – Вы ошиблись.

– Кассандра никогда не ошибается, – сказала бабушка. – Ты обо мне слышал?

– Нет, простите.

– То-то и видно. А то бы выкинул корону и убежал без оглядки!

Бабушка была недовольна.

– И чему вас в школе обучают?

– Бабушка, – подошел к ним Гоша Полотенц. – А я вас знаю.

Он наконец-то отыскал Сумского и подслушал его разговор с Кассандрой. Он знал, что Кассандрой звали неудачливую предсказательницу, так как учился в школе куда лучше, чем Гриша Сумской. Ведь папа часто напоминал ему, что для овладения всеми богатствами человечества надо учиться, учиться и еще раз учиться.

– Наконец-то, – обрадовалась Кассандра.

– Вы ископаемая предсказательница, которой никто не верил, а колотили беспощадно!

– Допрыгались! – обиделась бабушка Кассандра и скрылась в кустах.

А Гриша Сумской даже обрадовался, что ему пришли на выручку.

– А ты в самом деле ее знаешь? – спросил он.

– Читай Гомера, – ответил Гоша.

Пока ты знаешь больше своего друга или врага, говаривал ему папа, ты сильнее его. Никогда не делись с другими своими знаниями.

Вот Гоша и не делился.

А Сумской не стал спорить.

– Слушай, – стал ковать горячее железо Гоша, – на что тебе эта корона?

– А что?

– Давай поменяемся.

– А тебе она на что? – спросил Сумской.

– Я собираю короны, – сказал Гоша. – У меня уже шесть штук. Мне папа одну из Бангладеш привез, а другие мы здесь покупали. Получше твоей будут.

– Если получше, – сказал Сумской, – так и играй с ними, а у меня пускай плохая останется.

– А если сухарем? – спросил Гоша. – Десять баксов хочешь?

Сумской тоже умел соображать.

– Тысячу баксов, – сказал он.

И не потому, что так думал. Он тысячу баксов никогда и не видал, даже в чужих руках. Но хотел проверить Гошу.

– Тысячу баксов? – Гоша даже зажмурился от возмущения. – Да эта корона и сотни не стоит. Лягушачья икра в томате!

– Ну давай сотню, – сказал Гриша Сумской.

Недаром у Гоши было прозвище Жаба. Не мог он ничего поделаться со своей жадностью, хотя и понимал, что жадничать сейчас не следует. Этот недостаток он унаследовал от своего папы. Но Георгий Георгиевич научился в решительный момент наступать на горло собственной песне, а Гоша был еще почти ребенком и не мог свою жабу одолеть.

– Не дашь, – сказал Сумской, – тогда гуляй.

Он не очень любил этого Гошу и даже немного опасался его. Потому что Гоша всегда что-то хотел получить, отнять,

отспорить, оттяпать, отхитрить – очень был целеустремленным.

Но Гоша умел командовать, а Гриша Сумской совершенно не умел управлять другими людьми, даже самим собой не умел управлять. Мышцами – пожалуйста, а вот мыслями – ни в коем случае!

– Ты пожалеешь! – разозлился Гоша. – Сам ко мне прибежишь, будешь просить – возьми за три рубля. Фиг я у тебя возьму!

Гриша Сумской был готов уже сдаться и отдать корону за десять баксов, но Гоша убежал с полянки. Он был так взбешен, что от него поднимался пар, а от кроссовок на траве оставались рыжие проплешины.

Гриша Сумской был расстроен.

Сначала эта Кассандра, потом Гоша. Кто еще придет за короной?

А пришла сама Ванесса.

Пришла на полянку, такая красивая и самоуверенная, будто случайно, а не по просьбе царевны, Севы и Лолиты. А ведь это они подослали Ванессу, сказав ей, что Гриша для нее все сделает, потому что Ванесса первая красавица не только в лагере, но и во всей Московской области, и если будет конкурс «Мисс школьница Московской области», то она на нем обязательно победит.

Не смогла Ванесса отказать друзьям, которые так высоко ее ценят, и пошла. Правда, ей и самой хотелось проявить

свою власть над Гришей Сумским. У нее были к тому свои женские интересы, которых вам не понять.

– Привет, – сказала Ванесса, – мышцы качаешь?

– А ты знаешь?

– Я многое про тебя знаю.

– Что же? – Гриша повел плечами, словно уже стал настоящим культуристом.

– Я знаю, что тебе суждено стать чемпионом мира по культуризму.

– Ну что ты! – возразил Гриша. – Ты шутишь, да?

Ванесса уселась на пенек и жестом приказала Грише сесть на траву у ее ног. Он с радостью подчинился.

– Я к тебе отношусь... – сказала Ванесса. – Я тебя выделяю среди других мальчиков, несмотря на мою красоту и то, что при желании все ребята лагеря тут бы валялись!

И она показала на траву, где уже сидел Гриша.

– А я и не знал, – сказал Гриша.

Ему было приятно слышать такие слова.

– Я согласна с тобой дружить, – заявила Ванесса.

– Я тоже, – сказал Гриша.

– Вот и договорились.

Гриша чуть-чуть расстроился. Он не думал, что все получится так просто. Сказала, и все. А что дальше делать?

– А у меня проблема, – сказала Ванесса. – Нужен твой дружеский совет.

– А что?

– У Лолиты завтра день рождения, а подарка нет. Сам понимаешь, из лагеря в магазин не слетаешь.

Гриша немного подумал и сказал:

– Может, ты ей свой компот отдашь?

Он, конечно, пошутил, но Ванесса взвилась, как дикая кошка.

– Ладно, ладно, – сказал Гриша, – нарвешь ей букет у директора на клумбе.

– И вылечу из лагеря. Спасибо!

– А что я могу?

– Ну поищи чего-нибудь! Неужели твоя голова не работает? Одни мышцы.

– Почему одни мышцы? – обиделся Гриша. – У меня вот что есть...

Он уже пожалел, что говорит, но останавливаться было поздно. Тем более что Ванесса его подгоняла, почувяла добычу, пантера!

Пальцы Гриши вытащили из кармана корону лягушки.

– Мне за нее Гоша десять баксов давал, – промямлил он.

– А ну-ка, дай сюда, – сказала Ванесса. – И за эту красоту он тебе пытался всучить десять баксов? Ах ты, жаба!

– Кто жаба?

– Нет, не ты, ты нормальный бой. Ты от сердца ради меня ценную вещь оторвал. И учти, Гриша, за мной не заржавеет. Теперь ты стал мне настоящим другом. Встань!

Гриша послушно поднялся.

Ванесса встала рядом и поцеловала его в подбородок.

Гришу просто обожгло этим поцелуем.

...Зашуршали кусты, и Гриша остался один.

И без короны.

Зато с настоящим другом.

И совершенно непонятно, что же лучше.

Ванесса, подпрыгивая, словно маленький ребенок, побегала к волейбольной площадке, где ее, как и договаривались, ждали Сева с Лолитой. Сева боялся, что у нее ничего не выйдет, а Лолита уже пять раз повторила:

– Сева, ты совершенно не знаешь женщин. В решающей схватке ему никогда не устоять.

– А если он не знает, что это решающая схватка? – сомневался Сева.

Лолита набрала желтых одуванчиков и плела из них венки. Это очень успокаивающее занятие.

А Сева вспомнил, как дедушка, если играет его любимый «Спартак», ругает его на чем свет стоит, словно ждет с нетерпением: скорей бы уж эти неумехи продули матч! На самом деле он так колдует. Чтобы «Спартак» неожиданно для всех выиграл. Тогда можно сдержанно радоваться и разводить руками от удивления: «Вот уж не ожидал, что им это удастся!»

Так и Сева, видно, наследственность сказывалась, думал, что ничего у Ванессы не выйдет, потому что надеялся, что получится.

А Ванесса об этом не подозревала.

Она шла по дорожке, не спешила, потом остановилась, вынула корону и стала ею любоваться.

Корона была просто чудом ювелирного искусства. Она была круглой, как бы из двух серебряных ажурных полушарий, надрезанных сверху и украшенных крестиком. И все это было усыпано белыми хрусталиками, которые переливались под солнцем, как звездочки на небе.

Ванесса подумала: «Ну зачем мне отдавать такую красивую корону этому выдумщику Савину? Он сам никогда бы не смог отнять ее у Сумского. Потому что Сумской только ко мне испытывает чувство!»

В душе у Ванессы принялись сражаться две кошки – белая и черная.

У Ванессы часто в душе сражались кошки, и она сама не знала, какая из них победит.

Вот и пришлось остановиться, чтобы прислушаться к сражению в собственной душе.

И тут ее сердце екнуло. Ванесса почувствовала взгляд.

Она замерла, как кролик замирает под взглядом удава.

Перед ней на дорожке стоял мальчик.

Совершенно незнакомый мальчик.

Он ничего не делал. Он просто стоял и перегораживал ей дорогу.

Он был странный, и Ванесса не сразу поняла, в чем же была странность. А потом сообразила – он был одет как взрос-

лый. Вроде бы в джинсах и рубашке, но все на нем выглядело как на маскараде: мужчина, переодетый мальчиком.

Может быть, лилипут?

Половину его лица закрывали большие черные очки, и от этого он выглядел совсем уж ненастоящим.

Мальчик протянул вперед тонкую руку раскрытой ладонью вверх.

– Ты чего? – спросила Ванесса.

Бояться ей было совершенно нечего, потому что она стояла посреди лагеря, по которому ходило, бегало и передвигалось двести человек детей и взрослых, если закричать, то по крайней мере пятьдесят человек прибегут на помощь.

Но Ванесса понимала, что она не может закричать. У нее онемел язык.

Он лежал во рту как вареный, без всякой пользы. Даже губы облизать не мог.

И вдруг она поняла, что этот мальчик в очках хочет, чтобы она отдала ему лягушачью корону. И она ему ее сейчас отдаст...

– Нет! – закричала она, но язык не шевелился, а без его помощи получалось мычание.

Мальчик снял очки и ловко положил их в верхний карман рубашки.

И тогда Ванесса впервые заглянула в глаза Каину.

Тогда она не знала о прозвище этого человечка.

Но если ты не предупрежден, то лучше в глаза Каину не

заглядывать.

Они как будто прорезаны тупым ножом в коже лица, они спрятаны глубоко, так что никогда не блестят и не поблескивают, словно ты случайно заглянул в темную-темную комнату, а в этой темной-темной комнате сидят на стульях темные люди, а у их ног лежат черные коты, и все они движутся медленно, как будто под водой.

И Ванесса, сама не понимая, что делает, протянула корону мальчику, который, конечно же, был в десять раз старше ее и только притворился ребенком.

Каин ловко кинул корону в большой рот совсем без губ. Рот захлопнулся.

И вдруг старенький мальчик бросился в кусты и пробился, продрался сквозь них. Ванесса все это видела, но так и не нашла в себе сил, чтобы закричать.

И она увидела сквозь кусты, что там, на лужайке, где сушат белье, опускается маленький вертолет. Зеленый, обыкновенный, как показывают по телевизору из горячих точек, только поменьше.

Из открытого люка свисала веревочная лестница.

Она дотронулась концом до травы как раз у ног Каина.

Тот схватился за перекладину и быстро, по-насекомому, полез наверх. А вертолет начал подниматься и двинулся над деревьями прочь от лагеря, так что, кроме Ванессы, его никто и не заметил.

Ванесса глядела ему вслед и не верила тому, что произо-

шло.

Потом пошла дальше, еле переставляя ноги.

А Лолита издали увидела ее и поняла, что дела плохи.

Она кинулась к Ванессе.

– Что? Что случилось? Гришка тебя оскорбил?

– Ну знаешь! – рассердился Сева. – Я с ним поговорю!

Ванесса доплелась до скамейки у волейбольной площадки, села на нее и сказала:

– Ничего вы не понимаете. Гришка совершенно ни при чем. Это было привидение.

– Какое еще привидение! – взвилась Лолита, которая категорически не верит в привидения и всякую чепуху. – Скажи лучше, что он тебе не отдал корону.

– Он отдал, – сказала Ванесса, – и я не вру. Привидение на вертолете.

Глава десятая

Тайное заседание

В громадном, похожем на ледовый стадион, кабинете Георгия Георгиевича Полотенца, президента МУФРа, началось секретное совещание.

Агенты Фонда, вымуштрованные лично Элиной Виленовой, заняли точки на площади Белорусского вокзала, заменили всех газетных киоскеров, цветочных продавцов и торговцев цыплятами табака. В небе над трехэтажным, таким незаметным, таким обыкновенным, даже плохо покрашенным домом, в котором кроме МУФРа, помещалась еще парикмахерская, часовая мастерская и небольшой ювелирный магазин, кружились вертолеты прикрытия. Ни одна живая или мертвая душа не должна была услышать, о чем там шел разговор.

Во главе стола уселся Георгий Георгиевич Полотенц, президент МУФРа.

Как мы знаем, это весьма невысокий полный человек с очень красными щеками и рыжими глазками. В остальном обыкновенный.

На вид ему тридцать восемь лет, по документам немного меньше.

Справа от него сидит очень маленький, худенький мужчина, а может, и мальчик в больших темных очках. Он дер-

жится прямо, словно проглотил линейку. Его прозвище Кайн. Он сидел в лагере за бандитизм, а потом ему все простили. Но это совсем другая история.

Слева от Георгия Георгиевича вы могли бы увидеть старуху в камуфляже по имени Кассандра. Ей очень много лет, и все эти годы она предсказывала разные страшные события. Но ей никто никогда не верил. Может быть, вы не помните или болели, когда это проходили в школе, но это именно она просила троянцев, чтобы они не верили грекам, которые подарили им деревянного коня. Троянцы приняли подарок, а оказалось, что конь нашпигован греческим десантом. Старуха оказалась страшно живучей и довольно богатой. Вообще-то она бабушка не вредная, но все время предупреждает и предсказывает. А это многим надоедает.

Да, зовут Кассандру Маргаритой Федоровной, так по паспорту.

Напротив Маргариты Федоровны Кассандры стояло самоходное кресло, покрытое черным колпаком. В колпаке сидел академик Сидоров, почти не видный снаружи. Как вы подзреваете, фамилия Сидоров и имя Сидор Петрович не настоящие. Дело в том, что академика засекретили еще в шестом классе Конотопской средней школы и с годами засекречивали все туже. Шестнадцать лет так называемый Сидор Петрович провел в шахте на глубине шести километров, дважды его выкрадывала американская разведка и трижды его с боями привозили обратно.

Несчастье России и счастье Сидора Петровича заключались в том, что он был гениальным изобретателем и ему было совершенно все равно, что изобретать. Как поет соловей, так Сидор Петрович изобретал.

И даже сейчас, когда наступила свобода, Сидора Петровича на свободу не отпускали и секретность с него не снимали, потому что его могли украсть, допустим, ваххабиты, а он изобрел бы для них карманную водородную бомбочку, потому что ему было бы любопытно изобрести такую водородную бомбочку.

Вы можете удивиться, что делает такой секретный ученый в гуманитарном и таком добром Фонде Георгия Георгиевича. И я отвечу, что ФСБ, ЦРУ и МОССАД пытались наложить лапы на этот талант. Но эти лапы оказались коротки, так как у великого изобретателя есть супруга. У других людей бывают жены, а вот у Сидора Петровича была Супруга. Размером и весом она была подобна старинному буфету, ростом достигала двух метров шести сантиметров, а как-то в молодости попала с молодежной делегацией в Японию и там увидела борцов сумо, самых толстых и тяжелых спортсменов на свете. В решающий момент Райка вышла на помост и крикнула:

– Ну кто, блин, сразится, сравнится со мной?

Вышло по очереди несколько чемпионов, и всех она выкинула с помоста совершенно беспощадно. Правда, ее тут же дисквалифицировали, потому что в Японии женщинам

не позволяют участвовать в мужских соревнованиях.

Супруга академика вышла за него замуж, потому что вначале служила в войсках Госбезопасности, а точнее, в охране объекта Сидорова. Она настолько сжилась с академиком, что даже порой в уборную и в ванную ходила вместо него, а уж ордена и медали носила вместо него постоянно. Разговаривать с ним она мало кому позволяла, хотя, конечно же, Георгий Георгиевич был исключением.

Геorgia Георгиевича она уважала. Даже побаивалась, хотя ростом и размером превышала его вдвое. Как-то она поворачивала за угол и врезалась в Георгия Георгиевича. К счастью, точно сзади него шагал охранник Савва. Теперь он на инвалидности.

Почему же академик Сидоров такой секретный и недоступный?

Потому что он изобрел пулемет «Зидор». Не может быть, чтобы вы о нем не слышали! Даже в песне поется: «Закину сидор за плечо и поцелую горячо!» А правильной – «пистолет-пулемет Сидорова». Простой в обращении, безотказный в лесу и пустыне. В малых и больших войнах из «сидорова» ухлопано больше шестнадцати миллионов человек, а еще тридцать три миллиона искалечены.

Но все это в прошлом.

«Сидорова» Сидоров изобретал по долгу службы, на работе.

А потом, состарившись, он стал изобретать для души.

Именно из-за этого изобретения и родился на свет МУФР во главе с Георгием Георгиевичем Полотенцем.

Об изобретении речь пойдет дальше, а нам осталось лишь сказать еще несколько слов о самом академике Сидорове. Уже пятьдесят лет он сидит под темным бронированным колпаком и изобретает. Неужели ему не хочется выскочить наружу и побегать под дождем? Оказывается, нет, необязательно. У Сидорова есть страсть. Он разгадывает кроссворды. И если кроссвордов ему достаточно, он наружу не стремится.

Помылся, побрился, овсянки покусал – и давай гадать!

А рядом верная Райка. И приласкает, и кроссворд принесет.

Жаль только, она не умеет подсказать трудное слово – слишком мало знает она слов.

На заседании она сидела рядом с темным стеклянным колпаком, под которым можно было угадать фигуру Сидорова. Перед ней на столе лежала стопка негаданных кроссвордов на различных языках, и время от времени она кидала свежий кроссворд в щель в колпаке. Тогда ее широкая и высокая грудь всколыхивалась, и шестнадцать медалей международных премий за сохранение мира во всем мире мелодично принимались звенеть...

Консультант Эфимыч протянул волосатую лапу, чтобы ненароком сорвать и присвоить одну из золотых медалек – уж очень он был хватальщиком и загребальщиком. Но Райка

Сидорова ловко долбанула его тяжелой ладонью по руке, а Георгий Георгиевич укоризненно произнес:

– Ну, господа хорошие, товарищи дорогие, возьмите себя в руки!

Эфимыч попал в президиум МУФРа как представитель общественности, профессор по проблемам неопознанных явлений и фантастических существ. Он был рыхлым, приземистым, очень волосатым – лешие принимали его за своего – существом. Лишь два места на нем были без волос – маленькая лысина на затылке и нос, похожий на лиловый баклажан.

Когда-то называли его просто – Ефим Ефимыч Крестоположенский. Но когда он начал зарабатывать, выступая по телевизору в мистических и эзотерических передачах, то есть растолковывать тайны бытия и небытия, в которых ничего сам не понимал, пришлось имя менять. Одна его подружка, белая ведьма Черногай, посоветовала скрыться под псевдонимом Эфимыч. Народ его запомнил и полюбил. Порой даже в метро можно услышать:

– А вчера Эфимыч опять грозил Гватемале наводнением.

– Как же, как же, МЧС уже готовит самолеты.

Вот он и сидел рядом с Райкой Сидоровой и время от времени начинал зычно похихатывать. Напротив него, на уголке стола пристроилась Элина Виленовна – сама скромность, сама исполнительность. Там же пустовал один стул.

А так как у Георгия Георгиевича в кабинете случайностей

не бывает, следовательно, этот стул для кого-то предназначался.

И Георгий Георгиевич произнес:

– В нашем тесном кружке сегодня появится новый член. Незаменяемый, как незаменимы все члены нашего президиума. Элина Виленовна, пригласите, пожалуйста, магистра Проникло.

Элина Виленовна резво вскочила и поспешила к двери. Шаги ее были четкими, звонкими и короткими. Все смотрели ей вслед, любясь совершенством ее спортивного тела.

Она растворила дверь и воскликнула:

– Господин Проникло, вас ожидают...

А когда господин Проникло вошел в дверь, она добавила:

– С нетерпением!

Вошел человек, скорее высокий, чем низкий, и скорее худой, чем толстый. Был он вытянут вверх, как гороховый стручок, и маленькую твердую голову держал закинутой назад. Ноги у него были короткие, и выступал он, словно клоун на манеже.

Проникло окинул взглядом стол и направился к пустому стулу.

Отодвинул его, коротко поклонился всем по очереди, словно голубь, который клюет зернышки, а потом сел и замер, словно неживой. И даже выпуклые белые глаза с черными точками зрачков прикрыл жесткими веками.

– Магистр Проникло по специальности спелеолог, – про-

изнес Георгий Георгиевич. – Он согласился войти в ряды наших друзей, чтобы оказать пользу Фонду. Надеюсь, по принятому у нас обычаю, он расскажет о себе.

– Я буду краток, – жестяным голосом заговорил магистр Проникло. – Я принадлежу к семейству подземных проходцев и коллекционирую пещеры. Затем я вожу туда туристов и авантюристов, отчего стал богат и независим.

Раздались сдержанные аплодисменты.

– Каждый из членов президиума нашего Фонда, – сказал Георгий Георгиевич, – внес свой существенный вклад в общее дело. Я вношу свой организаторский талант, Эфим Эфимович – уникальные знания...

При этих словах консультант Эфимыч приподнялся, опершись о стол волосатыми лапами.

– Маргарита Федоровна Кассандра дарит нам свое предвидение будущего и значительное личное состояние.

– Потом дашь мне слово! – крикнула старуха в камуфляже. – Мне надо будет вас кое о чем предупредить.

– Успеете, – отмахнулся Георгий Георгиевич и продолжал, изобразив в глазах нежное почтение: – Но наибольший вклад в нашу скромную деятельность внесла чета супругов Сидоровых, выдающихся деятелей отечественной науки.

Все принялись аплодировать.

Райка Сидорова тоже аплодировала.

– Последней по возрасту, но не последней по вкладу, – сказал, когда аплодисменты утихли, Георгий Георгиевич, –

является благородная административная и духовная деятельность нашей дорогой Элины Виленовны.

Элина Виленовна одарила окружающих ласковой ослепительной улыбкой и помахала высоко поднятой ладонью, как машут с пьедестала зрителям олимпийские чемпионы.

Георгий Георгиевич сделал паузу.

Словно не был уверен, продолжать или нет.

Но мальчик в черных очках незаметно кивает, как бы прикидывая: можно! давай!

И Георгий Георгиевич указал на мальчика толстым пальчиком и произнес:

– Я не буду рассусоливать о нашем юном друге, который так скромно сидит за этим столом. О нем речь впереди. И вы поймете, почему это так. Пока что ограничусь упоминанием о том, что вклад бывшего благородного бандита по кличке Каин неизмеримо велик. Он – наш Исполнитель. Если кто-то не знает тайного, истинного значения этого слова, пускай он подойдет к гражданину Каину после нашего заседания, и я уверен, что гражданин Каин не откажется дать пояснения.

– Пускай подойдет, – согласился Каин.

Глава одиннадцатая

Мертвая вода

– Представив всех вам, – обратился Георгий Георгиевич к магистру Проникло, – я вас представлю нашему небольшому коллективу выдающихся людей и деятелей.

Магистр Проникло вскочил, словно подброшенный снизу уколom гвоздя, и, уперши белый взор в потолок, откинул назад голову.

И замер.

– Долгие и выдающиеся путешествия магистра в недра Земли, – продолжил Георгий Георгиевич, – привели его к ряду открытий. В частности, он открыл Подземелье.

– Подземелье, – повторил магистр Проникло.

– Гигантскую полость в сердце нашей планеты.

– Полость! – жестяным голосом повторил магистр Проникло.

– И это его вклад в наше общее дело.

– Объясни! – потребовал Проникло.

– Я специально откладывал момент объяснения до общей встречи президиума. На ней мы должны решить, принимать ли в наши ряды магистра Проникло.

– Вот именно, – согласился магистр и уселся на место.

– Любое великое открытие, – сообщил Георгий Георгиевич голосом кота, который просит косточку, – проходит

несколько этапов. Вначале оно рождается в мозгу гения.

Георгий Георгиевич поклонился Райке Сидоровой, а она сунула в щель свежий кроссворд, наверное, в награду мужу за его изобретения.

– Академик Сидоров, великий гуманист, всегда думал о благе прогрессивного человечества, – продолжал Георгий Георгиевич. – И когда он сделал открытие, то поделился им со своей супругой, а она в поисках спонсоров и друзей обратилась к нам.

Райка Сидорова принялась улыбаться и качать прической.
– В чем же суть великого открытия? – сказал Георгий Георгиевич. – Это концентрированный стимулирующий активный раствор. А проще – сбылась мечта всех народов! Открыта живая вода!

Возникла пауза, и все обернулись к магистру Проникло, будто ждали, что он станет хлопать в ладоши и кричать. Но он медленно повертел своей жесткой головой и спросил:

– Объясните принцип действия!

– Только в общих чертах! – предупредила Райка Сидорова. – Человек он еще не проверенный. Может убежать к врагам.

– Никто еще от нас не убежал, – вдруг произнес мальчик в черных очках по прозвищу Каин.

– Не тяните! – громче сказал магистр Проникло. – Я жду!

И тут послышался глухой, будто из глубокого подземелья, голос, который на самом деле исходил из-под черного стек-

лянного колпака, под которым сидел академик Сидоров.

– Я сам скажу!

И наступила тишина.

– Я вывел формулу, – произнес Сидоров утробным голосом, – вещества, которое, будучи введено в организм человека, возвращает ему молодость. И этим все сказано.

– Это правда? – Магистр Проникло был поражен.

– Это больше чем правда, – сказал Георгий Георгиевич. – И уже есть человек, который стал молодым.

И Георгий Георгиевич широким жестом показал на мальчика по кличке Каин.

– Это он, руководитель нашей охранной службы, – произнес он. – И я должен признать, что в настоящее время календарный возраст гражданина Каина достигает двухсот пятидесяти лет, а физический...

– Даже перебор получился, – сказал Каин. – Мне лет тринадцать-четырнадцать. Но не в этом дело...

– Каждый из членов президиума имеет право претендовать на свою долю живой воды, – сказал Георгий Георгиевич. – И вы должны понимать, какие открываются финансовые и политические перспективы.

– Это приведет к катаклизмам в масштабе всей планеты, – заявила Кассандра.

– До масштабов всей планеты дело не дойдет, – возразил Георгий Георгиевич, – но осторожность не помешает. Потому что стоимость одной порции живой воды достигает шести

миллиардов условных единиц.

– Точнее, каких единиц? – спросил магистр Проникло.

– Долларов, долларов! – закричал в ответ Каин. – Я сам платил, понимаешь? Сам, лично, из своих трудовых сбережений.

– И долго сберегал? – серьезно спросил магистр.

Как потом оказалось, он шутить не умел, потому что когда ему в детстве вырезали гланды, то заодно доктор нечаянно вырезал ему чувство юмора. Но магистр Проникло не подозревал о том, что у него нет чувства юмора.

– Всю сознательную жизнь, – ответил гражданин Каин, у которого было чувство юмора, но своеобразное.

Георгий Георгиевич постучал кончиком золотого карандашика по столу, призывая к тишине.

– Деньги не самое главное, – сказал он. – Есть проблемы и похуже. А именно – каждый грамм живой воды производится из воды обыкновенной. В процессе получения живой воды обыкновенная вода превращается в мертвую воду. И это понятно, потому что в живой воде должно быть столько живости, чтобы обратить вспять всю жизнь человека. Живая вода, каждая молекула живой воды высасывает жизненные силы из сырья.

– Не тяни! – воскликнул гражданин Каин. – Я давно хотел задать этот вопрос, но стеснялся. Говори, сколько воды ты ухлопываешь на грамм живой воды?

– Примерно кубический километр, – сказал Георгий Ге-

оргиевич. – При условии, что на одного человека требуется примерно шесть граммов живой воды. Понятно?

– А это много или мало? – спросила Кассандра. – Мне ваши километры непонятны. Я все по старинке, графинами и амфорами...

Георгий Георгиевич только отмахнулся от старухи. А вежливая Элина Виленовна сказала:

– Желающие могут подойти ко мне после совещания, и я дам точные цифры. Относительно объема озера Байкал.

Элина Виленовна ничего особенного не сказала, но все поняли, что озеру Байкал грозит гибель. Никто из них не был на Байкале, но еще из школьных учебников знали, что Байкал – это очень много воды, которая раньше была хрустально чистой, а теперь стала просто чистой.

– К сожалению, – продолжал Георгий Георгиевич, глядя на магистра Проникло, потому что остальные об этом уже слышали, – мертвая вода обладает рядом отрицательных качеств. В ней никто и ничто не может жить – ни рыбы, ни водоросли, ни даже головастики, любое живое существо, которое попадет в эту воду, немедленно погибает.

– Ну уж это преувеличение! – загудел из-под колпака академик Сидоров. – Не сразу, а минут через пять.

– Как вы видите, академик меня поправил, – согласился Георгий Георгиевич. – Минут через пять...

– А она выздоровеет? – спросил магистр Проникло. – Вода придет в норму?

– Через двести лет, – ответила Райка Сидорова, которая многое знала, потому что муж ей многое рассказал. – Через двести лет в этой воде начнут размножаться амебы и инфузории, а еще через триста лет появятся лягушки.

– А куда вы дели первую воду? – спросил магистр.

– Что вы имеете в виду?

– Но вы одного гражданина омолодили? – Он показал на Каина. – И, наверное, для опытов тоже вода понадобилась?

– Наш завод, – ответил Георгий Георгиевич, – стоит в пустынной полярной местности, мы закупили секретный полигон на Кольском полуострове. Раньше на том полигоне производились отравляющие вещества и остатки их спускали в Ловозеро, которое обнесено колючей проволокой в шестнадцать рядов и обкопано рвами и валами. Но в настоящее время Ловозеро уже переполнено мертвой водой. Мы можем продолжить наш благородный труд, только если найдем, куда девать мертвую воду.

– А если в реку? – спросил магистр Проникло.

– В какую?

– Например, в Амур. Или в Волгу. А потом эта вода уйдет в море или океан.

– Была такая идея, но она опасная, – признался Георгий Георгиевич. – Ведь тамошнее местное население будет пить эту воду или умываться ею. И быстро вымрет. А как только вымрет, начнется расследование – и до нас докопаются.

Все замолчали.

Молчали и глядели на магистра Проникло.

Наконец Георгий Георгиевич произнес:

– Вы понимаете, наш новый коллега, что ваше сообщение может иметь для нас принципиальное значение?

– Понимаю, – ответил магистр жестяным голосом. – Но мой вклад в общее дело дорого стоит. Я должен стать первым в очереди на омоложение.

– Это мы еще обсудим! – воскликнула Райка Сидорова. – После моего супруга.

– Я предупреждала, – заявила Кассандра, – что это все хорошо не кончится!

– В порядке живой очереди! – заявил Эфимыч. – Мне тоже моя юность часто снится.

– Не пойдет, – сказал магистр. – Ищите сами, куда ваши помои сливать. Или пять миллиардов мне.

Магистр поднялся и отодвинул стул. Он еще больше стал похож на гороховый стручок.

Начался шум и движение, некоторые стали упрашивать Проникло не уходить, но тот был непреклонен.

Уловив секунду тишины, Элина Виленовна спокойно и тихо сказала:

– Уходите, уважаемый магистр. И оставайтесь стареньким. Сколько вам лет в обед?

– Неважно!

Но никуда стручок не ушел.

А снова уселся на свое место.

– Теперь расскажите нам, что вы нашли и что вы можете положить в нашу общую копилку, – сказала Элина Виленовна.

Конечно, она не была там главной, но она умела говорить так, что даже ее шепот был слышен в любом углу зала.

И магистр Проникло подчинился ее приказу.

– Моя специальность, – сказал он, – а также мое хобби – коллекционирование пещер. Я уже наколлекционировал шестнадцать больших и восемьдесят три малые пещеры. В разных частях света. Большую часть жизни я провожу под землей и получаю от этого удовольствие. А также извлекаю доход. Теперь много туристов, которые туда лезут. Очертя голову. Многие падают в пропасть, мы их не жалеем.

Магистр Проникло говорил короткими фразами и не заботился о том, чтобы они были гладкими, законченными или красивыми. Будто вообще привык молчать.

– С каждым годом забираюсь все глубже. Так завещали родители. Покойные. Я стал магистром спелеологии, и меня уважают. Наконец в прошлом году я отыскал полость. Мечту спелеолога. Это очень большая полость глубоко под землей, там даже есть свое небольшое светило из подземной лавы. В этой полости можно разместить страну Люксембург или город Москву. Это чудо природы. Но я не могу пускать туда туристов, потому что проникнуть в полость можно только узким ходом. Он называется нитью. Длина нити пять километров, ширина в узких местах десять сантиметров. Надо

бурить шахту в твердом граните в пять километров. Почти невозможно. Но если будет цель, то все можно.

На этом магистр Проникло закончил свою речь, и все стали глядеть на Георгия Георгиевича, потому что пока что не до конца поняли, в чем смысл открытия магистра.

– Не поняли? – произнес Георгий Георгиевич и засмеялся, как медный колокольчик. – А надо бы понять. Потому что в эту полость мы сольем всю мертвую воду. Если надо будет слить шесть километров, сольем шесть, а надо слить Ладожское озеро – оно пропадет бесследно, и никто никогда не догадается, что с ним случилось.

Вот тут члены президиума догадались, зачем им нужна гигантская полость в центре Земли.

И раздались аплодисменты.

Лишь Кассандра по имени Маргарита Федоровна не хлопала в ладоши.

– Предсказываю трагедию! Предвещаю крушение ваших планов. О нет, не стать мне снова молодой! Мои мечты напрасны... а надо сказать, что в молодости я была сказочно хороша. Некоторые греческие героини стрелялись из-за любви ко мне... из лука.

– Есть одна сложность, – сказал Георгий Георгиевич. – И вы ее видите, как и лично я. Нить, которая соединяет полость с поверхностью Земли, такая узкая, что мертвая вода будет литься туда лет двести. Надо срочно пробурить шахту глубиной в пять километров.

Тут подал голос гражданин Каин.

– Нестыковочка получается, господин хороший, – пропел он подлым голосом, – если эта нитка всего десять сантиметров – сам сказал! – то как ты, голубчик, туда пробрался? Не нравится мне, когда новички врут. А вдруг тебя к нам заслали?

Угрожающий ропот прокатился по залу. Даже Сидоров вздрогнул под своим колпаком.

– Дурачье, – жестяным голосом произнес магистр Проникло. – Кто вам сказал, что я принадлежу к человеческому племени?

Никто не признался, потому что магистр был прав – никто не говорил, что он человек. Но никто и не сомневался в том, что он человек.

– Кто же вы? – спросила Райка Сидорова.

Ловким движением магистр Проникло расстегнул ворот своей жесткой одежды, и тут его голова начала подниматься вверх, а за ней тянулась длинная-длинная и довольно тонкая шея. Через две минуты его голова уже покачивалась чуть ли не под потолком, а шея все вытягивалась.

И потом это вытягивание кончилось, потому что весь магистр вылез из своей одежды, которая осталась сидеть за столом, сам же он, покачавшись на хвосте, вдруг свернулся в несколько колец и улегся на столе, поворачивая голову во круг оси. И не очень было понятно, змея он или червяк крупного размера.

Этот вопрос и задала ему Кассандра.

– Скажи, гонец злодейства, – спросила она, – ты относишься к классу змей или к червям?

– Происхожу я от благородного рода глистов-солитеров, – сообщил магистр Проникло. – Со временем мои предки покинули человеческие тела, которые ограничивали творческие усилия моего семейства, и стали самостоятельны. Нам не очень приятно вспоминать о том, что мы когда-то были глистами, хотя мы этого и не стыдимся. От змей нас отличает благородная гладкость тела и отсутствие чешуи, от безмозглых червей – высокий интеллект. Так что считайте нас особым, уникальным, неповторимым и даже эксклюзивным созданием природы. Мы Прониклы из класса Проникло и рода Проникловых. Теперь у гражданина Каина не осталось сомнений в моих способностях?

Каин был огорчен. Он когда-то служил сыщиком и ловил воров, а до того и сам побыл в ворах и разбойниках. Так что ему всегда хотелось чего-нибудь схватить. Или добычу, или вора. А тут только он занес когтистую лапу, а глянь – его жертва вырвалась!

Поэтому он ничего не ответил Проникле и подумал: «Придет мой час, застукаю я тебя, червяк, на какой-нибудь помойке, тогда ты у меня не выскользнешь».

А червяк (я буду называть его червяком, потому что все в зале мысленно называли его червяком) вообще никому не понравился.

Тем временем магистр Проникло ловко подпрыгнул и угодил хвостом точно в ворот оставленного им костюма. И углубился в него – скоро из ворота торчала лишь голова с белыми выпуклыми глазами.

– Наш друг магистр Проникло, – сообщил Георгий Георгиевич, который ничему не удивился, потому что видел червяка голым уже не раз, – побывал в полости и доставил нам ее описание.

– Так как будем решать? – спросил вдруг Эфимыч, который до того дремал, потому что утром обожрался в ресторане корейской кухни, где умял целую собаку. – Бурить или искать другой путь в Подземелье?

– Сначала искать, – ответила Элина Виленовна, – а потом, если не найдем другого хода, то бурить.

– Тогда я пошел, – сказал Эфимыч. – Что-то я проголодался, наступает счастливое время обеда.

– Только два слова, – остановил его Георгий Георгиевич. – Я должен вас предупредить, что в освоении Полости мы не одиноки.

– Другой червяк? – спросила Райка Сидорова.

– Хуже, – сказал Георгий Георгиевич. – Каин, доложи.

– По данным нашей разведки... – Каин поднялся и сделал зверское лицо. Он был при исполнении. – По данным разведки, о существовании полости знают некоторые гномы и прочая подземная нечисть.

– Ну и что? – спросила Райка. – Пускай знают. Мы их по-

льем мертвой водичкой, и перестанут мешать добрым людям.

– Шутки в сторону! – жестким голосом произнесла Элина Виленовна. – Мы не знаем, какие гномы или тролли, а то и колдуны прознали про полость и для чего она им может понадобиться. Нельзя недооценивать противника. Его надо сначала уничтожить, а уж потом недооценивать.

– А может, им и не нужна наша полость? – спросил Эфимыч.

– Вот этим ты, как эксперт, и займешься, – сказала Элина Виленовна. – И срочно.

– А если они знают, – заговорил, как из трубы, академик Сидоров, – возможно, они знают и более короткий и безопасный путь туда?

– Все свободны, – сказал Георгий Георгиевич. – Остаются только специалисты.

Глава двенадцатая

Фонду нужны деньги

В кабинете президента остались только специалисты.

Только свои. Самые доверенные.

Сообщники.

Сам Георгий Георгиевич, прекрасная секретарша Элина Виленовна, начальник службы безопасности, бывший разбойник и сыщик гражданин Каин и старик Эфимыч, эксперт по сказочным вопросам.

– Вы все выслушали сообщение нашего нового друга, – сказал Георгий Георгиевич. – Сначала я ему не очень поверил, но проверка, проведенная гражданином Каином, показала, что магистр Проникло и на самом деле принадлежит к древнему роду червей, покинувших людей ради пещер и подземелий. И на самом деле наш новый друг сказочно богат. И не только за счет денег, которые он получает от туристов. Важнее те драгоценности, которые он добывает в пещерах, те драгоценные камни, которые он там выламывает, и те клады, которые когда-то спрятали в пещерах разбойники. И если кто побывал в таинственных глубинах Земли, это именно он – Проникло!

– Про полость он тоже рассказывал. Своим родственникам, – произнес мальчик Каин. – Все записано, все схвачено. Но без него нам в ту полость не пролезть. Нет второго такого

червяка.

– Так что лучше нам с ним дружить, чем бороться, – сказала Элина Виленовна.

И все согласились.

– Но теперь есть другая проблема. По словам магистра, о полости знают какие-то гномы и примкнувшая к ним нечисть. Это может нам повредить, хотя может и не повредить. Но всегда лучше учитывать опасности и трудности, чем забывать о них. Все равно что забыть о скорпионе у себя под подушкой. Он может вылезти из-под подушки и цапнуть тебя в ухо. Больно, обидно и даже оскорбительно.

И все согласились, что это больно и обидно.

– До сегодняшнего дня я относился к сообщениям о знакомстве гномов с полостью скептически, то есть не обращал внимания. Но именно сегодня утром произошло знаменательное событие. По сообщению моего единственного сына Гоши, в оздоровительном лагере «Елочка» была замечена лягушка-оборотень. Характерная черта этого маленького чудовища – корона на голове.

– Верно! – воскликнула Элина Виленовна. – Я читала. Еще в детстве.

Эфимыч почесал за толстым ухом и сказал:

– Не исключено. Ох, не исключено!

– А ты не охай, – оборвал его Георгий Георгиевич. – Нам одной Кассандры достаточно. Мне от тебя нужна консультация, как эту лягушку использовать. Посмотри на корону и

скажи все, что можешь сказать.

Он вынул из кармана завернутую в бумажку корону, которую Каин отобрал у Ванессы.

Корона, маленькая, с лесной орех размером, засверкала ослепительным бриллиантовым блеском.

Георгий Георгиевич держал ее между большим и указательным пальцами, и все начали щуриться от этого нестерпимого блеска.

Эфимыч подставил ладонь.

Георгий Георгиевич положил на нее корону.

Эфимыч поднес ее к носу и понюхал. Понюхал он так сильно, что корона взлетела в воздух и чуть было не улетела ему в ноздрию, но гражданин Каин был начеку, недаром он руководил безопасностью МУФРа, недаром он имел колоссальный жизненный опыт общения с преступным миром, да и сам был оголтелым преступником.

Его тонкая, как хлыст, ручонка взлетела в воздух и сшибла корону с пышной ладони Эфимыча у самой широкой, волосатой его ноздри, как сшибает Майкл Джордан мяч над баскетбольной корзиной, когда тот уже почти спустился туда после броска Куртинайтиса.

Каин подхватил корону в воздухе, туго сжал в кулачке и протянул Георгию Георгиевичу.

– Ата-бой, – пропел Георгий Георгиевич, – маленький герой!

Он выхватил корону из кулачка гражданина Каина и сво-

бодной рукой отечески потрепал мальчика по щеке.

Элина Виленовна с чувством сказала Эфимычу:

– Убить тебя мало, барсук!

Тот не огорчился, а развел волосатыми, по локоть голыми лапами и ответил:

– С любимым бывает! Кто из нас бриллиантов не вдыхал?

– Ох и плохо ты кончишь!

– Хорошо кончу, – сказал Эфимыч. – Я всегда хорошо кончаю.

И утробно заржал.

Георгий Георгиевич не стал ждать, пока тот отсмеется, а ткнул в бок карандашом и спросил:

– Говори про корону.

Эфимыч вздохнул, потер бок и заговорил:

– Таких давно не делают. Известно было о трех коронах. Их привезла царица Савская царю Соломону из своих аравийских шахт. Сделали их по заказу волшебника Махмудова, который жил до нашей эры, для его дочерей, царевен-лягушек. Бриллианты для них добыты, по словам Геродота, почти в центре Земли, где они были под таким давлением, какое обыкновенным алмазам вовсе не снилось. Поэтому у них особый блеск. Они не только отражают и преломляют световые лучи, но и испускают свет, подобно фонарикам. Больше таких бриллиантов не существует. Я думал, что все эти короны пропали еще две тысячи лет назад, но, оказывается, одна из них сохранилась.

– Значит, алмазы особенные?

– Из центра Земли.

– Из Подземелья, про которое говорил червяк?

– Не исключено, – ответил Эфимыч.

– А зачем нужна такая корона?

– Если ее наденет сказочная принцесса, то по желанию она может превратиться в лягушку. Или из лягушки в принцессу. Очень полезно для сказок и замужества.

– А сколько такая корона стоит? – спросила Элина Виле-новна.

– Ах, пустяки, – отмахнулся эксперт по волшебству. – И если вы думаете, что я ее занюхивал нарочно, то глубоко ошибаетесь. Ничего она не стоит!

– Врет, – сказал мальчик Каин. – Я по глазам вижу – врет. Я таких в три минуты раскалывал. Дайте мне его на дыбе подержать или пальцы ему дверью прищемить. Он у меня сразу признается.

– Только не это! – закричал Эфимыч. – Лучше я сразу у вас ее куплю. Сто тысяч долларов вас устраивает?

– Ого! – Георгий Георгиевич даже присвистнул.

– Значит, на самом деле как минимум полмиллиона, – сказал мальчик Каин.

– Ох, чует мое сердце, что Подземелье на самом деле существует. И прежде чем мы наполним его мертвой водой, надо как следует поискать, не осталось ли там алмазов, – сказал Георгий Георгиевич.

– И я вам пригожусь, – добавил Эфимыч. – Я же специалист! Я вам буду полезен.

– Что ты еще знаешь о Подземелье? – спросил Георгий Георгиевич.

– По древним сказкам и легендам, гномы испокон века пробирались туда за драгоценными камнями особой чистоты и блеска. Там обитают некоторые существа, которых на Земле уже не осталось. Например, племя огневых троллей.

– Прелестно, – сказал Георгий Георгиевич. Он уже принял решение. – Мы должны обогнать всех. И врагов, и друзей. Трубы на фабрике игрушек уже заготовлены?

– Можем запустить буровую, – ответила Элина Виленовна, – хоть завтра. Но для бурения нужны деньги.

– Знаю! – рявкнул Полотенц. – Что ты мне указываешь!

– Я только говорю, шеф, что нам нужны деньги. Миллионы и миллионы долларов. Нам придется пожертвовать всеми наличными.

Георгий Георгиевич шлепнул ладонью по кнопкам телефона.

– Бухгалтерия? – спросил он.

– Бухгалтерия.

– Семен Трофимыч?

– Он самый, – ответил главный бухгалтер.

– Сколько наличных в кассе Фонда?

– Все деньги мы должны завтра передать в налоговую инспекцию. За ними вот-вот приедут на броневике.

– Я спрашиваю, сколько наличных в кассе? – голос Георгия Георгиевича сорвался.

– У нас есть пятьдесят семь миллионов долларов, – ответил бухгалтер.

– Начиная пересчитывать и складывать в мешки, – велел Георгий Георгиевич.

– Это невозможно! Это грозит неприятностями.

– Ты слышишь, что тебе говорят! – завизжала Элина, как кошка, которой наступили на хвост. – Пакуй наличность!

Георгий Георгиевич вздохнул и обратил свой взор к гражданину Каину.

– Чем труднее задание, – произнес он, – тем больше доверие руководства. Я доверяю тебе самое дорогое. Но выхода у нас нет.

– Я понимаю, – сказал гражданин Каин и надел черные очки.

Он повернулся и без единого слова покинул кабинет шефа.

С уходом Каина напряжение не спало.

Работа в кабинете Полотенца кипела.

Георгий Георгиевич постоянно держал связь с Райкой Сидоровой. А тем временем готовился спецсамолет для перевозки академика Сидорова на фабрику детской игрушки «Малютка-супер», что расположена в корпусах бывшего биологического полигона на Кольском полуострове.

Роботы, которые составляют гарнизон и служат научными

сотрудниками фабрики, получили приказ готовить аппаратуру для запуска конвертера живой воды.

Приближается пациент номер два!

Затем появился червяк Проникло.

Он был деловит. Он привез с собой координаты Подземелья и объемные планы, из которых было ясно, откуда и куда надо бурить ход для мертвой воды.

Проникло долго торговался, и в конце концов сошлись на миллионе и пятом месте в очереди на омоложение. Он оставил карту, взял с собой чек и исчез.

Потом наступила пауза, Георгий Георгиевич остался вдвоем с Элиной.

Элина принесла кофе с коньяком.

Георгий Георгиевич был так взволнован, что время от времени вскакивал с кресла и носился по кабинету.

Элина его не успокаивала, а часто смотрела на часы.

Неожиданно зазвонил телефон. Полотенц схватил трубку и воскликнул:

– Какой ужас!

Он схватился за сердце.

– Не может быть! – закричал он. – Я этого не переживу! Как это случилось?

Минуты две он слушал молча, только порой глубоко вздыхал и отпивал из стакана с холодной водой «Боржоми», которую ему быстренько принесла Элина Виленовна. Наконец он спросил:

– Что требуют эти мерзавцы?

И возопил так, что щеки посинели:

– Не может быть! У меня нет таких денег!

Еще послушал и снова закричал:

– Ни в коем случае! Ждите моего ответа... ждите ответа...

Он опустил трубку.

Элина смотрела на него понимающим взором.

– У меня личное горе, – сообщил он.

– Что случилось? – спросила дрожащим голосом Элина.

– Похитили мою любимую и единственную супругу Аглаю, – сказал Георгий Георгиевич. – И я, кажется, этого не переживу. Особенно если с ней что-нибудь случится и мой мальчик, мой сын Гоша останется сиротой.

– Не беспокойтесь об этом аспекте вашей проблемы, – произнесла Элина Виленовна. – Всегда найдутся женщины, которые будут рады заменить этому чудесному мальчику мать.

– Спасибо, – сказал Георгий Георгиевич.

– А что они просят? – спросила Элина.

– Пятьдесят семь миллионов долларов США мелкими купюрами.

– Они высоко ценят вашу любовь, – сказала Элина. – Они знают, что у вас большое и доброе сердце!

– Я боюсь сообщить в милицию, – сказал Георгий Георгиевич.

– И правильно, – согласилась Элина. – Когда речь идет о

такой сумме, лучше обратиться в Интерпол или к бандитам. Хотите, я поищу среди моих знакомых?

– Не надо, спасибо, – сказал Георгий Георгиевич, – у меня есть своя служба безопасности.

Элина на цыпочках вышла, оставив потрясенного горем мужа.

Глава тринадцатая

Рассказ об Убежище

Лолита, Ванесса и Сева сидели на скамейке у волейбольной площадки, у них не было сил подняться и уйти. Они понимали, что нельзя так сидеть, нельзя бездельничать, потому что это признание поражения. Но сидели.

Иногда разговаривали, о пустяках.

Только чтобы не говорить о печальном и даже позорном случае. Раз в жизни им попала настоящая сказочная корона – и вот ее нет.

А тут, как назло, перед обедом пришел Гриша Сумской.

– Ванесс, – сказал он, – отойдем, поговорить надо.

На что Ванесса совсем невежливо откликнулась:

– Нет у меня твоей короны! Не могу я отдать ее тебе обратно.

– Почему? – глупо спросил Гриша.

– Потому что ее у меня отняли!

– Гоша отнял? – спросил сообразительный Гриша Сумской.

– Вот еще! – рассердилась Ванесса. – Нет, они специалиста подослали. Не исключено, что настоящего киллера.

– Тогда ты правильно сделала, что отдала, – сказал Гриша. – Мне бы тебя недоставало.

И он так печально это сказал, что все засмеялись.

Как будто нарыв лопнул. И теперь уже не так больно.

А Гриша обиделся. Он проявил щедрость, простил девушку, а она смеется. Это же несправедливо.

Он хотел уйти, но Лолита, которая его пожалела, велела ему сесть на скамейку, потому что у них общее горе. А общее горе объединяет.

Гриша сел и стал думать об обеде. Его большой и быстро растущий организм часто думал о еде.

Он хотел было уйти в столовую и проверить, любят ли еще его поварихи, как на дорожке показался физкультурник Рома Столичный, младший брат Афанасия Столичного, который был начальником лагеря.

– Савин – это ты? – спросил он Гришу Сумского.

За четыре дня он не успел выучить имена всех своих подопечных. Ему простительно. Он смотрел только на будущих чемпионов.

– Никакой я не Савин, – ответил Сумской.

– А что? – спросил Сева.

– Начальник лагеря зовет, – сказал Рома. – К телефону тебя.

– Меня?

– Непонятливый, что ли? – удивился Рома.

Рома человек простой и всегда удивляется. Мир ему кажется загадочным и даже угрожающим: сколько раз он выходил в финал и никогда не становился чемпионом – то соперники мешали, то погода, то судьбы. Рома много раз ме-

нял вид спорта, чтобы обмануть судьбу, но так и не обманул. Он поднимал штангу, и, представляете себе, гриф штанги, то есть палка, к которой крепятся чугунные блины, сломалась в самый решительный момент, хорошо еще никого не зашибло. Потом он занялся ориентированием. Это странный вид спорта, когда надо бегать по лесу и искать спрятанные в пеньках или дуплах передатчики. В Гватемале он бежал первым, но тут началось землетрясение, и земля поглотила последний передатчик. Вот и не засчитали Роме победу. Потом он выступал за сборную России по русскому хоккею, который за границей называют «бенди», потому что не догадываются, что он – именно русский хоккей. Играли со Швецией на льду озера Тотенхавен, и в тот момент, когда Рома замахнулся клюшкой, чтобы всадить решающий мяч в ворота соперников, лед проломился, и Рома оказался в ледяной воде.

Хорошо еще, что сумели вытащить живым, но хронический насморк остался на всю жизнь.

Много еще было в его жизни трагических случаев, и закончил он свою спортивную карьеру физкультурником в лагере у своего брата. Но это не самый худший вариант.

Рома повел Савина в домик дирекции, где стоял телефон.

– А вы чего так хромаете? – спросил Сева.

– На какую ногу? На правую или на левую?

– На обе.

– На правую – я занимался марафонским бегом по бездорожью, пересекал Кению и Танганьiku. Ты меня слушаешь,

паренек?

– Слушаю.

– И как назло – стадо слонов. Последним шел слоненок, у него была куриная слепота. Он наступил мне на ногу. А левая нога – мой последний подвиг. Спортивная ходьба. Стадион в Сиднее. Дистанция двадцать километров, толпы зрителей безумствуют, моя любимая Настя выступает за команду Белоруссии, и вдруг я вижу, что один из аборигенов целится в нее бумерангом, знаешь, что это такое?

– Знаю, конечно!

– А я не знал! Бумеранг поражает Настюху под коленом, она падает, и ихняя австралийка обходит ее. И тогда я, не нарушая правил, хватаю Настюху на руки и шагаю с ней на руках к финишу. Это дозволено правилами... Да, дозволено. И в этот момент начинает извергаться вулкан Везувий...

– Роман, – раздался голос из открытого окна кабинета. – Не отвлекай своими сказками молодого человека от дела.

– Это не сказки, это трагедия моей короткой жизни.

– Никакого Везувия в Австралии нет! – крикнул Афанасий Столичный. – Можешь спросить у мальчика.

– Да я сам его видел! – возмутился Роман. – Я как раз рассказываю, почему стал хромать. А стал я хромать, потому что капля расплавленной лавы капнула мне на левую ногу. Вот и хромаю на обе ноги.

– Везувий, – закричал Афанасий, – в Неаполе!

От звука его мощного голоса зашатались деревья, и листья

полетели на траву.

– Я и говорю – в Неаполе, – согласился Роман. – В Австралии.

Никто не стал с ним больше спорить, и, по знаку начальника лагеря, Сева вбежал в кабинет и схватил телефонную трубку.

Телефон был большой, тяжелый, похожий на египетскую пирамиду со срезанной вершиной, из которой торчали две пары изогнутых рогов, чтобы удобнее было класть на них трубку.

– Всеволод? – раздался в трубке голос, который Сева тут же узнал – голос Царевны-лягушки. Он был взрослый, густой, низковатый для такого хрупкого создания, чистый, и все слова она выговаривала правильно, словно иностранка, которая отлично изучила наш язык.

– Здравствуйте, – сказал Сева.

Со стороны начальнику лагеря, например, могло показаться, что Сева совершенно спокойно разговаривает по делам или с какой-нибудь родственницей. А на самом деле внутри Севы все дрожало, принялось растворяться и превращаться в кисель. Это еще ничего, что голова стала кисельной и руки окислели, но хуже было с ногами, они же расплывались, и пришлось свободной рукой вцепиться в край стола, чтобы не уехать на пол и не расплющить кисельный нос об угол этого стола.

– Сегодня вечером, – сказала царевна, – Афанасий Тро-

фимыч устроит в лагере вечер сказок, и ты уж, пожалуйста, никуда не уходи. Сиди возле большого костра и внимательно слушай все, что будут там рассказывать и показывать. И учти, что артисты будут в самом деле сказочными, и так далее. Ты понимаешь?

Сева не понял, что значит «и так далее». Но не стал переспрашивать.

– Ты меня понял? – спросила лягушка.

– Я понял...

А так как лягушка замолчала, Сева понял, что он тоже должен что-то сказать, и сказал:

– Вы меня простите, что с короной не получилось. Я доверился Ванессе, а она оказалась ненадежной. Ее обманули.

Сева еще не кончил говорить, как понял, что ведет себя нечестно – пытается свалить на Ванессу свою вину. Ведь пошел бы сам за короной или охранял бы Ванессу, ничего бы не случилось.

– Вы не виноваты, – сказала царица. – И я не сержусь. Потому что Ванессу ограбил Ванька Каин, это древний и очень хитрый разбойник. Если захочешь, пойдешь в библиотеку, там должна быть книжка о нем. Но надежда не потеряна. Гномы обещали сделать мне новую корону. А может быть, удастся отнять у них мою старую. Но без короны, скажу тебе, Сева, мне плохо, потому что я теперь не могу превращаться в лягушку, а для наших дел это так нужно!

Царица глубоко вздохнула.

Потом добавила другим, куда более деловым голосом:

– Я тебе все сказала. Будь внимателен и делай вид, что играешь в сказку. Ты умеешь...

– Я умею!

– Мы встретимся.

– Когда?

Ничего не поделаешь, Сева почувствовал, что Царевна-лягушка ему нравится, не как царевна, а просто как девушка. И если бы она не была такой старой, может, он влюбился бы в нее всерьез.

– Придет время, и мы встретимся, – повторила царевна и повесила трубку. А Сева так и стоял с трубкой в руке, потому что его посетила грустная мысль – на самом деле царевна, как деликатное создание, не хочет признаться, как сердита на него за то, что не смог выполнить небольшой просьбы – сохранить и вернуть корону.

– Поговорили? – спросил начальник лагеря.

– Да, извините, – ответил Сева и положил трубку на рога телефона.

– Ваша знакомая? – вежливо спросил начальник лагеря.

– Она? – Сева на минуту задумался. Кто она ему? Просто знакомая лягушка? Или принцесса, в которую он намерен влюбиться?

– Не хочешь, не отвечай, – прогудел Афанасий Трофимыч. – Ты свободен. Возвращайся к друзьям. Скоро горн на обед прозвучит. Ах, как я люблю этот звук. Но всю жизнь

ненавидел мелодию: «Вставай-вставай-вставай, штанишки надевай...»

Начальник лагеря пел басом, а снаружи ему подпевал несчастный Роман.

Глава четырнадцатая

Беда Гоши Полотенца

Когда Сева уже вышел на дорожку, начальник лагеря высунулся по пояс из окна и прогудел:

– Скажи во втором отряде, что сегодня вечером у нас будет большой костер сказок! Желающих приглашаем!

– Я знаю, – ответил Сева.

Он добежал до волейбольной площадки, но там застал только Лолиту. Она его дождалась.

– Мог бы и подольше гулять, – сказала она, – на обед мы теперь точно опоздаем.

– Ну и шла бы обедать! – грубым голосом ответил Сева. И понятно – в тот момент в его ушах все еще звучал глуховатый голос Царевны-лягушки, и Лолита казалась ему не такой привлекательной, как обычно.

Лолита поняла и пошла прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.